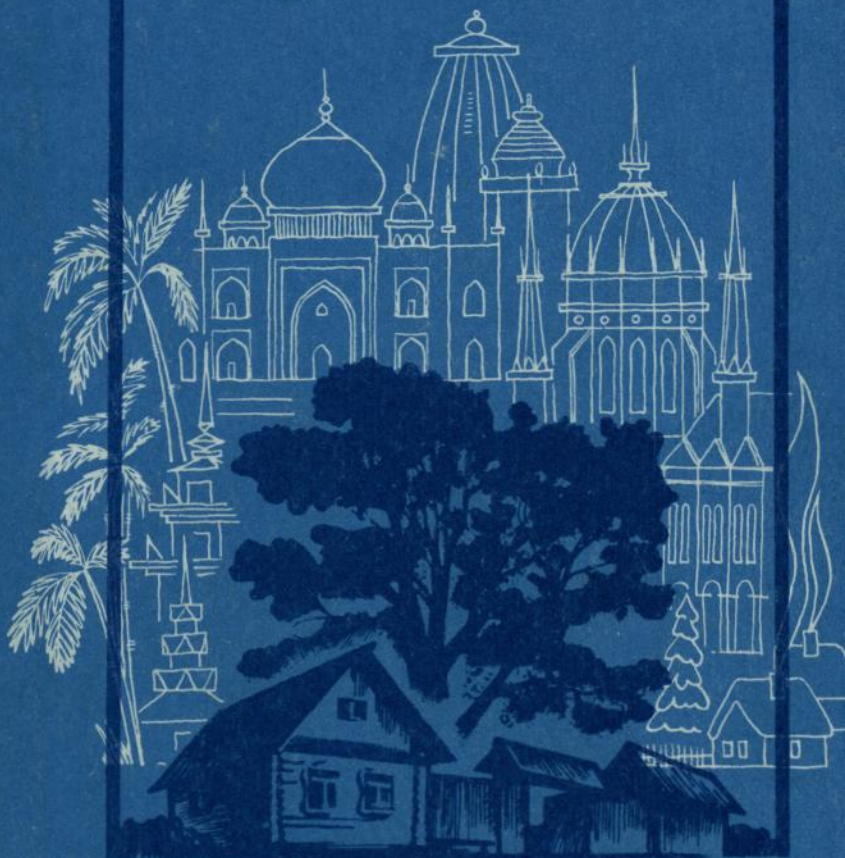

С(ЧУВ)
К 499

19156-к

ФЁДОР УЯР

ДОРОГИ ДАЛЬНИЕ И БЛИЗКИЕ

П О В Е С Т И

ГДЕ ТЫ, МОРЕ?

Раньше к городу со всех сторон подступал лес.

Сейчас его немного оттеснили, и в ветреные осенние дни слышно, как он глухо шумит и завывает, будто злится на город за непрошеное вторжение. Правда, обитатели леса относятся к городу неплохо. В зимние метели сюда частенько забредают лоси: видимо, каменные дома они принимают за отвесные скалы. Побродят не спеша по улицам и ложатся отдохнуть в укрытии какого-нибудь здания. А транспорту легче повернуть на соседнюю улицу, чем объехать их.

Рядом с городом протекает большая река, которой примерно раза два в год надоедает спокойная и размеренная жизнь, и тогда она непременно выходит из себя—затопляет берега, швыряет и бьет лодки о камни.

...Очень далек был этот город в тридцатые годы от чувашских земель: за семь-восемь тысяч верст к востоку. Проехать столько на юг и можно выйти к Индийскому океану или африканской саванне!

Расположен дальневосточный город почти на одной параллели с нашим чувашским краем. Только немного южнее. Но жизнь здесь во многом иная. Она масштабнее. Ярче. Чувство такое, будто плывешь по стремнину. Подхватил тебя ее стремительный поток и неумолимо влечет вперед. Так и несешься куда-то, невольно вслушиваясь в глухой стон деревьев или разглядывая луну, что мчится в ветреные ночи в облаках...

Повсюду незнакомые люди, и даже в толпе иногда

чувствуешь себя как в лесу. Но и в глухой тайге, когда ты совсем один, всегда помнишь, что рядом—люди. Наш рассказ как раз о них. О людях и о тайге.

Как я, тринадцатилетний чувашский паренек, оказался на Дальнем Востоке? Не терпелось испытать судьбу. Хотелось понять себя. И были еще причины, от меня совершенно не зависящие, но которые как раз и повели в дорогу...

1

...После смерти брата я поочередно жил у трех своих сестер.

Самая младшая никогда не упускала случая подко-вырнуть:

— Педер, ты нас все за колхоз агитируешь, а суп ин-хозов за обе щеки уплетаешь.

Нет, она не была злой, ее языком говорила нужда. Средняя выговаривала мне еще резче:

— Педер, дядя тебя любит. И я не враг своему бра-ту. Но у нас дети маленькие, сам видишь. Мы держим их впроголодь, чтобы кормить тебя.

— Так он тоже ребенок, — заступался дядя.

— Педер уже почти взрослый. Пора самому думать о том, как прокормиться.

У самой старшей сестры я тоже был лишним ртом—у них жила наша ослепшая мать.

В те годы по деревням ходили вербовщики, набирая рабочих на предприятия. Назвавшись сыном односель-чанина, я уехал с ними на Дальний Восток—одного бы меня не взяли, мал еще был. Год работал. Потом посту-пил учиться.

...В первую студенческую зиму мы с Амиканом боль-ше говорили, читали, мечтали о тайге, нежели учились. Все тайга, тайга и тайга. Каждый день, в каждом сло-ве. Я увлекался «охотничьей литературой». «Ты знаешь о тайге больше тех, кто там живет»,—шутит мой друг. Сам он эвенк. И имя у него лесное: Амикан—значит мед-ведь. Медвежонок. До восьми лет он кроме леса ничего не видел.

Однажды его отца ранило на охоте, и семья чуть не умерла с голоду. Хорошо еще, встретились геологи, дове-ли до деревни. А потом отправили в город.

Сейчас они живут во дворе нашего техникума, в дере-вянном домике. Отец Амикана остался хромым, работает

сторожем. Его мать — тетя Петэма — убирает двор.

Мой друг нисколько не напоминает медведя — худощавый, маленький, но очень зоркий и живой. Похоже, его имя — лишь мечта родителей. Но фантазии у Амикана — на десятерых. Как начнет рассказывать — не слушаешься, легко поверишь и в то, чего заведомо не бывает.

Амикан хорошо подражает голосам диких зверей, приманивает птиц, высвистывая их песенки.

Он старательно учил меня эвенкийскому языку, уверяя, что в тайге это может пригодиться в любой момент.

— Орон — олень, каям — лыжи, хакте — сушняк, хунат — девочка, — бормотал я, как шаман, перечисляя все, что попадалось на глаза. Я заметил, что большинство эвенкийских слов оканчивается на — кан: амикан — медведь, муннукан — заяц, сулатикан — лиса, тугуткан — олененок, атыркан — старуха. Гора на эвенкийской земле и та называется Худоркан...

Я очень обрадовался, когда Амикан однажды сказал: «Теперь ты знаешь, как попросить еду в тайге». Как будто сдал трудный экзамен. Но самое трудное, оказывается, было еще впереди...

Уроки мы обычно учили у Амикана. Его отец днем спал, ночью работал. Мать с метлой ходила по двору, вечно о чем-то болтала с соседками. Русский язык она знала хуже, чем я эвенкийский, но женщины всегда каким-то образом понимают друг друга. Смуглая, узкоглазая тетя Петэма и трубку при случае покуривала, и от выпивки не отказывалась. В доме у них чаще всего было хоть шаром покати. Лишь после получки денек-другой мы пировали.

В дом набивалась детвора. Наевшись, щелкали кедровые орехи. А потом снова начиналась ураза — великий пост. По воскресеньям мы с Амиканом помогали на базаре переносить вещи, получали за это кое-какую мелочь. Тетя Петэма немного шила, вязала и меняла свое рукоделие на продукты. Дядя Гуриуль — отец Амикана — плел из ивовых прутьев кузовки. Их тоже носили на базар, продавать.

Лицо дяди Гуриуля напоминало мне вырезанную из дерева маску. Его выражение никогда не менялось, и иногда мне хотелось дотронуться до него пальцем — может, оно действительно твердое, как доска? Он часами работал в сених. Молчаливый и спокойный — настоящий таежник.

А тетя Петэма была человеком совершенно иного склада. Голова у нее, что решето — в ней ничто не удерживалось: пришла мысль — тотчас ею поделится, услышала какую-нибудь новость — немедленно разнесет всем. Может, она спешила наверстать упущенное за время немногословной жизни в тайге, не знаю. Ей бы чуть-чуть подождать с очередным слушком, но нет, не хватало терпения. Тут же замечала свою оплошность, начинала каяться. Снова ошибалась, поправлялась... И опять все сначала.

«У нее мысль за языком не поспевает. Эта добрая душа должна была родиться в городе, но по ошибке очутилась в тайге», — иронизировал я иногда. Что касается меня самого, то, помнится, сестра на этот счет частенько поддевала: «Шайтан ты эдакий, у самого-то горб на спине, вот и замечаешь чужую сутулость».

...Не помню, в какое время мы договорились пойти в тайгу, но уже сидим, спорим, что брать с собой в дорогу. Я уверен, что нам ничего не понадобится. Дойти бы сначала до тайги, там видно будет. Не пропадем, придумаем что-нибудь. В конце концов, это даже неинтересно, если у нас все будет под рукой.

Но мой друг настаивает на своем. В городе, говорит он, можно понадеяться и на других, а в тайге у тебя должно быть все необходимое.

Дорожный мешок мы хранили у меня в общежитии. Здесь было все наше добро: нож, иголка с ниткой, блокноты и карандаш, сухари, которые мы сушили, отказывая себе в скудном пайке хлеба...

Амикан знакомил меня с обычаями эвенков. В тайге нельзя оставлять товарища: сам погибай, но друга выручай. Внимательно следи за одеждой, иначе запросто можно остаться нагишом. Нельзя убивать самок птиц, когда они высиживают яйца, выводят и растят птенцов. Ни под каким предлогом эвенки не разрешают трогать орлов — боятся беды...

Увлекаясь все больше и больше, Амикан входил в азарт и начинал импровизировать. О тайге, узких тропях и непо потревоженных чащах, голых скалах и непроходимых болотах. О зверье — исконном хозяине тайги.

Это был не то сказ, не то поэма; то ли воспоминание, то ли тоска по родным местам. Но как бы там ни было, мне нравилось его слушать.

...С крыши техникума видно полгорода. Рядами, как пни, торчат трубы домов. Весеннее солнце ласково погла-

живает наши спины. Но Амикан ничего не замечает. Душа его витает далеко отсюда. Затаив дыхание, вглядывается он в голубую даль. Видится ему там полярная зима, и бежит по снегу олень, один-одинешенек среди лесистой тундры. Легко, словно ветер, проносится он мимо низкорослых деревьев, жадно хватая морозный воздух.

Неожиданно олень резко останавливается и начинает принюхиваться к снегу. Где-то здесь вчера ему почудился слабый запах ягеля. Но тогда его напугала волчья стая. Он завел волков далеко-далеко, сбил со следа и, сделав большой крюк, вернулся обратно...

Идет шогжой — дерзкий олень. Его губы касаются блестящих, словно стеклянных, снежных крупинок. По обледенелой корке снега скользит белое облачко дыхания.

Идет олень! Закидывая рога, шогжой — свободная душа — гордо ступает среди низкорослых берез, словно лесной царь на разгульной свадьбе. Старый олень — вожак изгнал его из стада. Но шогжой молод, силен, он не унывает.

Налетает откуда-то ветер, в поздρι ударяет ароматная волна сочного ягеля. Шогжой судорожно глотает воздух. Делает еще несколько торопливых шагов. Уже близко, вот здесь, под снегом — корень жизни...

Он закидывает голову, и рога закрывают заиндеветшую спину. По великой тундре разносится трубный клич оленя. В нем — радость победы, вызов врага на бой.

Ягель — под снегом. Но олень сдерживает себя — нет ли вблизи врага? Кажется, нет... Волки ползут к нему против ветра. Олень не чувствует их запаха...

Мальчик-эвенк Амикан, сидя на городском солнцепеке, видит голубые полярные снега. Время от времени над снежным безмолвьем рассыпается зеленовато-голубой цвет — играет-переливается северное сияние. Небо загорается и гаснет, загорается и гаснет...

Амикан словно воочию видит могучее туловище, стройные ноги оленя, который через пять минут погибнет. Живым памятником красоте и молодости стоит шогжой среди укрытого снегом молчаливого мира. И, не в силах оторвать от него глаз, Амикан славит его широкую грудь, хрупкие, как цветок, рога.

Олень копытом разбивает наст. Показывается подмерзший ягель. Вкусным грибом тает он во рту...

Шогжой становится на колени и, словно падая в сугроб, с головой окунается в снег. Волки, только этого и

ждавшие, бросаются на него. Один вгрызается в холку, другой вцепляется в глотку...

Олень находит силы рвануться на дыбы. Он взбрасывается, бьет и отшвыривает передними копытами самого крупного волка, сбивает рогами со спины остальных. Но рушится на землю, не выдержав тяжести хищников.

От внутренностей шогжоя по снегу валит пар. Волки жадно лакают оленю кровь...

...Мы все еще на крыше техникума. Обливаясь слезами, Амикан невидяще смотрит в мою сторону. Наверное, надо утешить его, но я и сам растерялся. Ведь Амикан лучше меня знает закон тайги: побеждает сильнейший. На земле стало меньше одной красотой, торжествует несправедливость, и горько плачут на крыше двое подростков.

— Надо было закончить рассказ по-другому, — говорю я.

Амикан, не соглашаясь, качает головой:

— Только так мог погибнуть одинокий олень. Только так... Там нельзя одному.

2

Мы еле дождались летних каникул. Ребята, живущие поблизости, разъехались по домам. Как мы ни спешили, все же пришлось на месяц задержаться: учащиеся ежегодно своими силами ремонтировали здание техникума. Зато поднакопили немного денег. Хотя, с другой стороны, зачем нам в тайге деньги?.. Решили взять с собой ружье. У отца Амикана есть старая берданка. Лодку тоже у него возьмем. Весельную. Правда, она тоже старая, но нам пойдет. Только бы выдержала, не развалилась в пути.

Первую неделю будем плыть по течению. По вечерам придется выходить на берег и разжигать костер. Когда кончатся дорожные припасы, подстрелим серну или зайца. Если удастся, конечно. И если звери будут. Но Амикан говорит, что в тайге их тьма-тьмушая. Мол, если в пень любой прицелишься — все равно в зайца попадаешь.

Заливает, поди.

В день, на который было назначено отплытие, рано утром нас разбудил дядя Гуриуль. Пустынной улицей мы спустились к реке.

— Смотрите, больше месяца не пропадайте! — сказал дядя Гуриуль напоследок.

— Если в гостях понравится, может, и дольше задер-

жимся, — засмеялся Амикан. Мы же уверили его отца, что едем к другу, в деревню.

Да разве проведешь старого воробья? На первой же стоянке пришлось убедиться, что он прекрасно понял, куда мы собрались: сунул в нашу котомку еще одну пару олочи (это такие чулки с длинным паголенком и кожаным носком), а в лодку положил топор и ножовку.

Но это еще лучше — теперь хоть будут знать, где мы. Поэтому, наверное, старик ни о чем не расспрашивал. Только уж как-то слишком озорно блестели у него глаза. Душой он, наверное, и сам в тайге.

У нашей лодки плоское днище, тупой нос. Крутится, вертится она на воде, словно пустое блюдо, никак не уgomонится. А река неожиданно убыстряет свой бег, стремительно несется мимо скал, кидается из стороны в сторону и, извиваясь, швыряет лодку от одного берега к другому. Вместе с нами устремляются вперед и разгорающийся ясный день, и зеленая осиновая роща. Только утреннее солнце опередило нас — оно уже взошло и распустило свои лучи, точно цветок лепестки, и радостно глядит на весь белый свет с края горизонта. Чтобы лучше видеть нас, поднимается все выше и выше. Небо чистое, день ясен.

Амикан не помнит себя от радости, не знает, как лучше выразить свой восторг: размахивает руками, кричит, поет, а то вдруг пробует вскочить на ноги и едва не опрокидывает лодку. Но что он так восторженно выкрикивает, какую песню поет — сам, поди, не понимает. Играет в нем какая-то сила, и парень, не зная куда деть себя, нетерпеливо подпрыгивает, точь-в-точь горох на горячей сковороде...

Ведь он возвращается в родные места!

Но вскоре Амикан успокоился. Уселся на носу и, задумчиво всматриваясь в даль, запел:

Далекий путь не страшен сердцу моему,
Он с детских лет мечту мою зовет и манит.
Луга, болота... Лес встает в тумане —
Все это родина моя в рассвете раннем,
Источник радости моей, любви и мук.

Жизнь торопить нельзя. Быстрее сам живи,
Приветствуй миг, как утреннее небо,
И ветер странствий в пригоршни лови.
Найдешь, что ищешь, встретишь, что
полюбишь —
Шагай вперед смелее, друг мой милый.

Над нашими головами с жужжанием проносятся мухи, слепни. Их Амикан тоже провожает песней.

— И-и-и, — как и эти пролетающие насекомые, он ощущает себя пусть маленькой, но подлинной частицей окружающего мира. Пока тянет свое «И-и-и», в голове, видимо, складывает дальнейшие слова:

Слюдяными крыльями в воздухе сверкая,
К солнышку стремится пчелка золотая:
Кажется ей солнышко цветком, полным сока...
Что же нам мешает подняться высоко?
Пусть на печке греются глупцы-домоседы,
Смелых не собьют с пути трудности и беды.
Пусть душа тревожится, сердце учащается,
И мечта заветная пусть всегда сбывается.

«Что так тянуло нас в тайгу?» — думаю я сейчас. Если взять Амикана, то его манили родные места. И меня, сына крестьянина, привлекал вольный простор. Но чтобы решиться вдвоем отправиться в тайгу, одного этого мало. Может, нас подсознательно отпугивала жизнь города, в которой господствовал разум? Перед подростками, которые до сих пор росли бездумно и беззаботно, как трава, широко распахнулся, даже навалился на них, мир непривычного и удивительного богатства человеческой мысли. И как тут было, хотя бы в первый момент, не растеряться. Нас тяготил и темп городской жизни. Постоянно спешишь, живешь с оглядкой на время, на часы, боишься и дрожишь, как бы куда не опоздать. И сегодня торопишься, и завтра тебе надо непременно куда-то успеть... Как привыкнешь, так, наверное, и ничего, но поначалу утомляет.

...Я взялся рассказать о нашем тогдашнем путешествии. Но времени с того памятного лета прошло много. Как бы я ни старался отделить картину наших приключений от более поздних впечатлений, опыт множества прожитых лет невольно накладывает свой отпечаток на мои воспоминания. И по ходу рассказа я буду то становиться тем прежним подростком Педером, то смотреть на него как бы со стороны, уже из сегодняшнего далека. Поэтому пусть вас не смущает, когда герой-рассказчик вдруг начнет говорить от имени автора... Если все происходившее с нами я помню четко и ясно, то многое из того, о чем я тогда передумал, смешалось с более поздними размышлениями. И не удивляйтесь наивности замечаний немолодого уже автора и старицкой мудрости, проскальзывающей иногда в слова подростка...

...Перед глазами — только небо, вода, земля. Лишь по

мере продвижения вперед в нашу, по-своему обособленную, вселенную добавляется еще четвертая составная — дерево. Небо выгорело на солнце и поблекло. А само солнце топленным маслом растеклось по небу — невозможно найти, где оно. Может быть, повсюду — отовсюду палит. Вода — расстеленное покрывало, а лодка — разглаживающий его утюг. Земля — это камни и глина, и снова камни. Только в деревьях есть какое-то разнообразие. Вот растет вяз. Склонилась над водой ольха. Ива по самую грудь вошла в реку...

Зной полуденный, палящий. Зудят мухи и слепни. На корме лодки сидит Амикан, но почти не управляет ею, лишь слегка подгребает то одним, то другим веслом, и лодка послушно скользит по воде. Голова Амикана обернута майкой. Кожа у него смуглая. Узкие глаза, как ягоды терновника, только что омытые дождем, — блестящие, черные. Брови широкие. Скулы несколько выдаются. Взгляд внимательный. Как бы ни менялось настроение Амикана, эта сосредоточенность все равно никогда окончательно не сходит с его лица. Кажется: что-то глубоко запрятанное, потаенное не дает ему покоя.

Педер устроился на носу, напротив Амикана. Сейчас он тоже с интересом оглядывается вокруг себя, но обычно трудно найти человека сдержаннее. А бывает и так, что развяжется у Педера язык, и мелет он вздор без всякой меры, говорит и говорит... Не при чужих, только когда рядом хорошо знакомые люди. Или малознакомые, но умеющие его разговорить. Он стесняется посторонних. Из страха, что его не поймут и посчитают глупым, заплетается язык. Другьям же, если даже с ними и не согласен, противоречить не смеет. Те, кто хорошо знает его и считает парнем толковым, прощают находящую на него иногда болтливость. Другие же или сторонятся его, или сразу обрывают. Поэтому друзей у него — раз-два и обчелся. Но они самые надежные. Такие друзья, поссорившись, обычно становятся самыми заклятыми врагами. Если даже этого не случится, позднее, повзрослев, они будут стесняться друг друга, потому что когда-то были слишком откровенны.

Что связало, что сдружило Амикана и Педера? Во-первых, то, что они очень не схожи характерами. Известно: мы невольно тянемся к тем людям, чьих достоинств нам, по нашему же разумению, недостает. Во-вторых, Педер, как и Амикан, представитель «национального меньшинства» — чуваш. Интересуется жизнью друга. Даже

учит его язык. Ему хочется собственными глазами увидеть тайгу, где родился Амикан, и о которой он так восторженно рассказывает. В свою очередь, интерес к дорогим для него местам не может не нравиться Амикану. Гордится он и тем, что Педер много читает, хорошо учится. Глядя на друга, он и сам пристрастился к чтению.

Они еще ни разу не поссорились. Возможно, потому, что Амикан добрый, добрее Педера. И эта доброта его идет не от головы, а от сердца, что ли. И умнее он. Задумавшись, может пропустить мимо ушей нечаянную резкость или просто необдуманное слово друга. Но если и услышит, не беда. Взглянет пристально в глаза собеседнику и вновь углубится в свои мысли или продолжит начатое дело. Сообразительному человеку и этого достаточно: сразу встретится. Почему друг промолчал? Задумается. Дураку же и объяснять толку мало.

Педер, к сожалению, не из тех парней, которые мне нравятся. Слишком уж легкомыслен. Не в поступках своих — в словах. Быстро загорается какой-нибудь новой идеей, но столь же быстро потухает. Только обида и злость длятся у него долго. Любит прислушиваться к словам окружающих. Если говорить о внешности, в ней нет ничего примечательного: узкое продолговатое лицо, небольшие глаза. Но он наверняка считает себя красивым.

Как и большинство неуверенных в себе людей, Педер всегда боится, что его могут неправильно понять. Даже в кругу своих сверстников он старается не выделяться, но если все же на него вдруг обращают внимание, сразу ошетинивается. Ссорой началось его знакомство и с Амиканом: обоим одновременно захотелось почитать в библиотеке одну и ту же книгу...

Педеру кажется, что он ищет смысл жизни. Но это, пожалуй, не совсем так. Просто его тревожат нелегкие мысли. Трудно ему сейчас. Да и сердце не на месте. Не плохо ведь дома жилось, в Чувашии. Не совсем сыт был, правда, но и не голоднее других. Можно было жить. Но нет, захотелось чего-то невиданного. Взял и прикатил на край света, на Дальний Восток. Ну, ладно, приехал, скажем, поступил учиться. Хорошо. И опять не усидел на месте, снова чего-то не хватило: вдвоем отправились в тайгу. Но уверенности, что в тайге он найдет то, что ему нужно, и успокоится, все равно нет. Да и как можно чувствовать себя счастливым вдали от людей? Времена робинзонов давно прошли. Скорее всего, он вышел в путь из чистого любопытства, желая как можно больше увидеть, узнать. Иног-

да ему кажется, что он уже нашел то, что искал. Но это «оно» или еще слишком далеко, или запрятано глубоко внутри него самого, и Педер не может окончательно различить его облик. Так, светится что-то туманно в его воображении, и все. Попробуй угадай: может, это призвание, может, еще что-то?

Иногда Педеру кажется, что его сверстники, да и все на свете люди знают, чего они хотят от жизни. Один он такой бестолковый, ничего еще для себя не решил. Неприятно чувствовать себя хоть в чем-то ущемленным, что тут говорить. Видимо, поэтому и боится он сказать лишнее слово на людях, ни во что не ставит собственное мнение. А то вдруг почувствует в себе неожиданный прилив уверенности и начинает всех поучать. Словно каждое его слово — истина в высшей инстанции.

А, возможно, в нем просыпается дремавшая дотоле мысль? Как знать, что у человека на душе...

Вода играет солнечными бликами, слепит глаза. Педер надвинул на лоб кепку и смотрит, как Амикан правит лодкой. Когда на веслах сидел Педер, лодка то и дело натыкалась на камни, подпрыгивала даже на слабой волне, как неприрученный к упряжке олень. А сейчас моментально присмирела. Можно подумать, что лодка и Амикан узнали друг друга. Лодка легко и плавно скользит сама себе, Амикан засмотрелся на берега. Но нет, и о лодке, оказывается, не забывает. Не отрывая глаз от прибрежных осин, чуть подгребает веслами.

Любит Педер этого сына тайги. Только не может привыкнуть к его переменчивому нраву. Никогда нельзя угадать, как он поведет себя через пять минут. Впрочем, этого и сам Амикан не знает. Без какого бы то ни было «вступления», без видимой глазу причины, вдруг «заводится» или столь же неожиданно затихает. Тогда от него часами не услышишь ни слова. На этот счет он, похоже, унаследовал понемножку и от отца, и от матери...

Хотя даже самому себе нелегко признаться, что друг лучше тебя, Педер чувствует какую-то изначальную доброту Амикана. Возможно, поэтому и тянет его к нему. Амикан моложе Педера, учился меньше (в начальной школе «перескочил» сразу через два класса), к книгам общается только сейчас. Но все равно он выше Педера. Жизни видел больше. И самое главное — не ощущает своего превосходства. Совсем напротив: уверен, что не он руководит Педером, а Педер им...

Педер смотрел сейчас на Амикана и думал: «Мой друг

умеет сочинять стихи и песни, управлять лодкой, запросто подстрелит любую дичь. Со всеми людьми держится одинаково ровно и просто. Пусть даже перед ним будет самый главный в мире начальник. Правильно делает, молодец. Я же мизинца его не стою. С людьми ладить не умею. С теми, кто моложе и слабее меня, дерзок, со старшими — неуверен и робок. Или я пренебрежителен к окружающим, или они меня ни во что не ставят...

Педеру захотелось сказать другу что-нибудь хорошее. Поблагодарить за дружбу, за то, что взял с собой в тайгу... за все! Но открыл рот — и понес бог весть что.

— Ты словно в лодке вырос, Амикан. Говорят, в жарких странах есть такие люди. Они рождаются, вырастают и умирают от старости в лодке, так ни разу и не ступив на твердую сушу.

— Да, — сказал Амикан. То ли согласился с Педером, то ли дал понять, что слушает его.

— Чувствует тебя лодка. Словно учаг¹, — Педер с удовольствием вставил в разговор эвенкийское словечко. — В тебе сразу признаешь таежника. Настоящий азиат... Это я в хорошем смысле, — добавил Педер, заметив, что Амикан старается вникнуть в смысл его слов.

— Ты тоже нормально греб, — неуверенно сказал Амикан.

— Не-ет, где уж там нормально, — Педер не захотел согласиться с великодушием Амикана. — Чуть было лодку не перевернул. Все время были настороже, только поэтому и не полетели в воду.

— Может, тогда ветер дул сильнее? — предположил Амикан.

Педер только рукой махнул.

— Даже еще слабее. Просто мы, европейцы, сами такие. Нашим рукам более сподручны карандаш и бумага...

Здесь автору невольно приходится краснеть за своего героя. Уж коли нет ума — не будет. Посмотрите на него — интеллигент-европеец какой выискался! Хоть бы одна капелька ученой крови в самом была. Хорошо еще, вовремя спохватился, что чушь несет, попытался хоть как-то сгладить неловкость последних слов.

— Ну, как бы это лучше сказать... Вы воюете с природой голыми руками. Все время с ней с глазу на глаз.

---

¹ Учаг — олень, приученный к седлу.

Чтобы не умереть с голоду или не замерзнуть, вам невольно приходилось как-то изворачиваться, учиться множеству самых различных дел. В наших же краях между природой и человеком есть еще орудия труда. Машины, оружие. Полагаясь на них, мы можем чему-то и не научиться...

Пытаясь оправдать свое неумение управлять лодкой, Педер еще много чего наговорил бы. Но помешали. В затылок ему неожиданно что-то больно ударило. И сразу же бултыхнулось в воду. Удар был достаточно сильный, и Педер побледнел. Но все-таки больше от злости, нежели от боли. Да, ударь-ка человека ни с того ни с сего, как тут не рассердишься. Но кто бы это мог сделать? Подумать, что Амикан балуется — тот и с места не сдвинулся, сидит, внимательно смотрит на него, словно все еще слушает товарища. К тому же и сидит он не позади Педера, а перед ним. В растерянности Педер посмотрел в воду и тотчас плюхнулся на дно лодки. Из воды выпрыгнула огромная рыба и со свистом пронеслась возле самого уха. Даже дохнуло илистой прохладой. Стрелой вылетела другая. Потом еще одна, еще... Точно взбесились. Выскакивают из воды и молнией пролетают над лодкой. Только две-три нырнут обратно в воду, как стремительно, разбрызгивая во все стороны холодные капли, появляются еще пять-шесть рыбин. Одна не сумела перепрыгнуть через лодку и тяжело шлепнулась на ее дно. Амикан быстро навалился сверху...

Прошло полминуты или больше, рыбы уgomонились — и река по-прежнему спокойна. Скользит лодка, не ведая, где разобьется. Если бы у Педера не ныл затылок и не лежала бы на дне лодки крупная рыбина, можно было бы подумать, что «танец» рыб только почудился.

— Что это они свистопляску устроили? — спросил Педер, ощупывая затылок.

— Над косяком проплыли, — невозмутимо ответил Амикан. — А чего ты за затылок держишься?

— Не видал, что ли? Одна дуреха по голове так двинула, аж искры из глаз посыпались. Хорошо, совсем не оторвала.

— Ну-ка, покажи. Ха, в самом деле шишка.

Потом повертел рыбину. Она оказалась довольно увесистой. Выпучив глаза, холодно уставилась на мальчиков.

— Что с ней будем делать? — спросил Педер. — Выбросим в воду?

Амикан моментально отобрал у него рыбу.

— Ты что? Кто первый трофей выбрасывает? Зажарим и съедем.

— А она съедобная?.. Даже названия не знаем.

— Несъедобной рыбы здесь нет. А как называется, узнаем дома. Только запомни, как выглядит.

— Известно, как. Светлая. С огромным лбом. Голова большая, а спинка маленькая. Все в голову ушло. Вот жуть, а? Страшилище.

— Ничего она не страшная. Голова — она от ума такая.

— От большого ума, видать, на людей кидается.

— Сам виноват, что на ее пути оказался. Но ничего, не переживай. Зато ухи поедим.

— Ты что, действительно хочешь ее сварить?

— А ты не хочешь?

— Я этого не говорил. Можно и сварить.

— Давай сварим.

Они выбрались на берег, поросший осинами. Пока Педер собирал сушняк, Амикан почистил рыбу, вбил в землю колышки, повесил на палку котелок, разжег под ним огонь. Потом они вместе почистили картошку и лук.

Костер словно бы и не горит — ни одного язычка пламени из-за яркого солнца не видно. Сухие ветки постепенно чернеют, потом бледнеют, превращаются в пепел и рассыпаются. Так на невидимом огне и котелок закипел, и уха сварилась. Друзья быстренько застучали ложками по котелку, наелись и блаженно растянулись в тени дерева.

Педер, разглядывая сквозь ветви небо, пришел к такому выводу:

— Так, наверное, мы и сами сможем себя прокормить? Амикан перевернулся и лег лицом к нему:

— А ты на кого надеялся?

— Нет, я не о том, ты не понял, — Педер тоже приподнял голову. — Я имею в виду, что мы каждый день можем ловить рыбу или птиц, и таким образом растянуть наши припасы.

— Конечно. И заяц, которого мы поймаем на ужин, поди, уже торопится нам навстречу. Искупаемся?

Они встали и пошли к реке, напились воды, быстро скинули с себя одежку.

— Смотри! — крикнул Амикан и на четвереньках, крабом, полез в реку и скрылся под водой. Немного погодя он так же на четвереньках карабкался на противоположный берег в тридцати-сорока метрах ниже по течению.

— Не по дну же ты шел, очень уж быстро! — засомневался Педер.

— Если не веришь, сам нырни! Дно ровное, как сковорода! — прокричал Амикан.

На первой же стоянке я, оказывается, забыл кепку.

— Пусть Харги примет твою кепку в подарок, а то, поди, ему нечем голову покрывать, — посмеялся надо мной Амикан. (Харги — злой дух у эвенков, что-то наподобие чувашского Киреметья¹.)

— Харги это он или она?

— Черт их разберет. Если судить по имени, вроде бы должна быть женщина. А если по делам — то уж точно он. Спросим у мамы, когда вернемся домой.

«А киреметь? — вспомнил я. Интересно, кто он? Раньше об этом «некто» писали в женском роде: «злая киреметь», теперь говорят «злой киреметь». Киреметь — это имя одного бога или обобщение всего зла?»

Говорят, если утром споткнешься, до вечера будешь падать. Только взялся за весла, из-за поворота реки вылетел катер. Как раз нам навстречу. Я ничего не успел сообразить, катер тоже не сумели вовремя повернуть. Он чуть не налетел на нашу лодку, отшвырнул ее волной к берегу. Лодка накренилась, зачерпнула бортом воды.

В катере были военные.

— Вы что, уснули? — закричал на нас один, с кубиками на петлице.

— Нет, не спали, товарищ командир, — Амикан обрадовался, что он не стал ругаться. — Спать нам некогда.

— Прямо-таки некогда?

— Некогда, товарищ командир. Домой спешим, на каникулы. Дети эвенков мы.

— Правду ли говоришь? — засомневался командир. — Эвенки — они вроде пошустрее. Где учитесь?

— В педтехникуме. Улица Самарина, 45.

— Поесть есть что?

— Н... немного есть.

— «Немного...» Петров, выдай им продовольствие на два дня. Юров, вылови весло.

Не прошло, наверное, и трех-четырех минут, как мы опять плывем одни, подпрыгивая на поднятой катером волне. В моих руках сверток. оставленный красноармейцами.

---

¹ Киреметь — почитаемый дух, которому приносили жертву; также название святилища.

Амикан, дурашливо улыбаясь, сделал вид, что фотографирует меня.

— Все, готово!

— Ты что?

— Очень уж важно сидишь. Как перед фотоаппаратом.

— Поглядим, что нам дали?

— Давай.

Развернули — в свертке оказались каравай хлеба, банка консервов и сахар.

— Ур-ра! — крикнул Амикан так, что мне заложило уши. — Ур-ра!

Мы оба встали лицом к течению и хором крикнули:

— Спаси-и-ибо-о-о!

Никогда мы не ели такой мягкий и вкусный хлеб. А сахар! Казалось, он таял еще до того, как положишь его в рот. Нет, что ни говори, наши красноармейцы умеют печь хлеб.

На следующем привале мы забыли на берегу топор.

Вечером Амикан пошутил у костра:

— Мы в срочном порядке переживем все дорожные несчастья, а потом будем жить спокойно: забывать будет нечего!

Как же, походишь в тайге без забот! Всего лишь полдня просидел на солнце без кепки, а голова раскалилась как банная каменка, шея же обгорела так, что не дотронуешься.

На второй день двинулись в путь вместе с солнцем. Амикан вывел лодку на середину реки и отпустил — плыви куда хочешь. Хоть назад поворачивай. Лодка резво покружила на одном месте, пару раз подпрыгнула на волне, о чем-то с ней переговорила — бульк-бульк! и нашла свою вчерашнюю нитку-дорожку. И понеслась вниз. Все стремительнее и стремительнее. Мы проплываем мимо голых скал, деревьев. Длинноногие цапли, прилетевшие порыбачить, не обращают на нас никакого внимания. Лодка плывет вполне самостоятельно, Амикан следит только за ее кормой. Лодка горделиво взбрыкивает даже на небольшой волне — словно норовистый конь мотает головой.

Оказывается, человек очень быстро привыкает к переменам. Еще вчера мы были на реке чужими, натывались, словно слепни, то на берег, то на прибережные камни, а сегодня — уже хозяева. Такое чувство, будто все здесь зависит от нас, и уйди мы с Амиканом — река и ее берега сразу опустеют.

Ночью какой-то зверек похозяйничал в нашем мешоч-

ке со снедью. Амикан сказал, что это бурундук. Есть такой зверек, он немного смахивает на белку. На спине у него блестящие черные полосы. А может, напроказничал известный своей дерзостью хорек? Уж слишком нахально действовал, вытащил мешочек прямо из-под изголовья. Теперь у нас остался только НЗ.

Мы решили перейти на «подножный корм». Но прежде чем поймать чирка, Амикан довольно долго бродил с ружьем. Чирок стал нашим вторым трофеем. Я думал, что мы сварим суп, но Амикан не согласился. Сказал, что возиться с ним придется долго: птицу надо ощипать, вычистить. К тому же и в суп нечего положить.

— Но не сырую же ее есть?

— Нет, конечно. Хотя, когда нет надежды развести огонь — и сырого мяса с радостью бы поел, но иной раз и его не бывает, — поучительно заметил Амикан. С тех пор, как мы вышли в путь, он старается казаться взрослым: видимо, считает, что в ответе и за меня. Или боится, что я разочаруюсь: ведь столько мечтали об этом путешествии. — Мы ее испечем. По-нашему, по-эвенкийски, — добавил Амикан.

— По-эвенкийски? — удивился я. — Как это?

— Сейчас увидишь. Идем, соберем дрова.

Принесли сухих веток. Амикан спустился к воде, обмазал чирка глиной. Прямо поверх перьев. Вместе с потрохами. Потом обернул широкими листьями и зарыл в песок. Сверху мы разожгли огонь.

Прошел час или чуть больше, и из-под огня, из земли, потянуло вкусным запахом.

— Готово, — решил Амикан. Он вырыл из земли чирка, легко и чисто ободрал перья — птица словно разделилась. Кожица у нее желтая-прежелтая. Амикан разорвал ее пополам, выкинул внутренности, и мы принялись за еду.

Мне очень понравилась протушившаяся в собственном соку дичь. Хоть и была она без соли, я до самого вечера пил воду.

Прошел еще один день. Потом еще один. По пути нам уже не попадались ни поселения, ни даже одинокие избы. Только деревья склоняются над водой. Ивы. Ольха. Верба...

Мы не очень сыты, но и не страдаем от голода. Сойдет. Терпимо. Однажды подстрелили рябчика, в другой раз — тетерева. Обои птиц убил Амикан. Я не решился зря расходовать патроны.

Уже несколько раз порывались съесть НЗ, но пока

крепимся. Будь я один, я бы еще два дня назад его умял, а так стыдно перед другом. Тем более после вчерашнего разговора. Мы сидели на вечернем привале, и я все повторял про себя: «Сейчас развяжу мешочек, немного потерплю и развяжу: нам его все равно надолго не хватит». В это время Амикан вдруг говорит: «Какой ты выдержанный, Педер, даже ни разу не вспомнил о мешочке с едой, молодец. А я без конца о нем думаю. Если я вдруг все же не стерплю, потянусь к мешочку, ты ударь меня по руке».

Чтобы проверить нашу выдержку, мы все же развязали мешочек. Там у нас две сушеные рыбы и две лепешки. Все пересохло. Рыба сейчас, когда нет соли, была бы очень кстати, но нельзя: друг верит в тебя,—значит, умри, но выдержи.

В нашем НЗ неожиданно оказалась маленькая деревянная фигурка божка, охраняющего охотников. Подарок тети Петэмы. В городе она хранила его на дне туеска. (Однажды Амикан, когда матери не было дома, вытащил его и показал мне.) И имя у божка было, только я сейчас забывал. То ли Мугдуне, то ли Гумденде. Его вырезали из корня дерева, наверное, лет полтора-два назад — фигурка такая темная и гладкая-прегладкая. Амикан рассказывал, что когда дядя Гуриуль уходил на охоту, тетя Петэма намазывала губы божка маслом, чтобы он послал их семье счастье, а муж вернулся живым и невредимым. Она и сейчас смазала ему губы: на этот раз он должен был охранять в тайге Амикана и меня.

— Будет он охранять, как же, жди! — Амикан швырнул деревянную фигурку в огонь.

Сейчас я ни за что бы не позволил ему сжечь эту удивительную реликвию. Но тогда мы боялись, что про нас могут не так подумать, сказать, что верим в бога.

Тетушка Петэма позаботилась о нас, как смогла, и это было мне приятно. Когда знаешь, что кто-то помнит, тревожится о тебе, даже трудная дорога становится легче.

3

На следующий день на левом берегу появилась сопка с редкими деревьями на вершине. Амикан направил лодку к берегу.

— Вокруг этой сопки могут быть ягоды. А если их не окажется, поплывем дальше.

— Может, сразу на ночлег остановимся?

— Рано еще, надо бы сегодня еще немного проплыть.

Я выпрыгнул из лодки вторым, и мы сразу побежали к сопке. Не так уж она и близко, оказывается. К тому же, довольно высокая. Карабкались мы с Амиканом, карабкались... В руки впиваются колючки, кустарник преграждает путь, с шумом осыпаются под ногами мелкие камни. Но вот вышли на пологий склон, а тут малины — видимо-невидимо, никому ее не съесть! Во впадинах много смородины, черемухи... Рвем пригоршнями, вместе с листиками. Ну и наедемся...

Вдруг Амикан схватился за ружье. Оглядывается по сторонам, тревожно прислушивается. (Ружье всегда при нас, мы никогда его не оставляем.)

— Ты что-о?

— Тс-с! Должно быть, где-то поблизости бродит медведь. Слышишь, кто-то ломает кусты?

— Медведь?!

— Ты не бойся. Когда медведь ест ягоды, он никого не трогает. Однажды мы с мамой собрали ведро ягод и чтобы не таскаться с ним, оставили на берегу. А когда вернулись, в том ведре ни одной ягодки не было.

— Может, их вовсе не медведь съел?

— Как не медведь? Мы ж его видели. Вот как сейчас тебя вижу. Он заметил нас и заковылял в лес.

Мне сразу расхотелось есть. Да и времени, оказывается, прошло прилично, солнце начало клониться к вечеру.

— Мы же не собирались останавливаться здесь надолго, а сколько времени потеряли. Пошли скорее к лодке.

— Зачем торопиться? — Амикан спокойно продолжает кидать в рот ягоды. — Может, мы здесь же заночуем? Все равно, где останавливаться. Везде тайга.

И тут меня точно молнией в голову ударило: а привязал я лодку или нет? Не помня себя я бросился к берегу. Споткнулся и разбил колено, но боли не почувствовал. «Пусть только лодка будет на месте, остальное не страшно, остальное — ерунда», — повторяю я про себя.

Остановился на берегу, словно врезался в столб. Лодки нет. Нигде. Словно ее никогда и не было на этом белом свете. О пустынный берег лениво плещутся мелкие волны. Над водой неторопливо летит морской орел — видеть, ищет на ужин утку...

Я бессильно опускаюсь на траву. Ну и влип! Какие там робинзоны — ротозеи! Полгода собирались в путь, а растеряли все снаряжение за десять дней. Какие же мы после этого путешественники?

Амикан пересчитывает патроны. Их осталось ровно семь штук. Хватит на то, чтобы раза три выстрелить и столько же раз разжечь костер. Самое большее, можно растянуть на неделю...

— Идем, — спокойно говорит Амикан.

— Куда?

— Ягод поедим. А то давеча слишком спешили.

Как только он сказал про ягоды, у меня волосы на голове зашевелились. Там же сейчас медведь малиной лакомится! Может, и не один...

— Послушай-ка, Амикан... Как же так?.. Я же нормально лодку привязывал... (Хотел сказать: «Привязал, вроде бы», но с языка слетело другое.)

— Волны могли развязать, — Амикан что-то возится с ружьем. — Цепь — не веревка, крепко не завяжешь. Взяла и соскользнула.

Нет, никак не хочется примириться с потерей лодки. Несправедливо это. Словно кто-то взял и обманул. Там же самые необходимые вещи, которые сейчас нигде не достанешь!.. Тыфу ты, черт!

— Кабы знать, хоть бы НЗ съели.

Амикан смотрит на меня, как всегда, доверчиво. И минуто назад, когда проверял ружье, наверное, ничуть не сомневался во мне, но почему-то показалось, что он прячет глаза. От этого еще тяжелее. Словно обманул ребенка. Все же, как ни крути, я виноват.

— Может, найдется? — говорю я в надежде, что друг успокоит меня, скажет: «Найдется, конечно, найдется». — Вдруг где-нибудь застряла...

Но Амикан неумолим:

— Видишь, какое здесь течение. Как раз на середину относит.

Лишь поддавшись на мои уговоры, он соглашается поискать лодку. Мы идем вдоль берега по течению. Амикан утешает меня:

— Лодку все равно пришлось бы оставить. Нельзя же путешествовать только по воде. Жалко было бросать ее, вот в чем дело. Ну да ладно, теперь хоть этой проблемой меньше. В любую сторону можно пойти.

Получается, что я сделал как нельзя лучше, упустив лодку.

Скоро путь нам преградил приток реки. Пока искали брод, начало смеркаться. Пришлось остановиться на ночлег.

Первая ночь в тайге. Не в обычном лесу, а в настоя-

щей тайге, дремучей, великой. С годами время как бы проецируется на эту ночь, и она видится все отчетливее и отчетливее. Ничего особенного тогда не случилось, но все равно она в моей памяти.

...Под большой лиственницей устроили что-то наподобие шалаша и, голодные, улеглись спать. Можно было попытаться кого-нибудь подстрелить, но тогда пришлось бы разжигать костер, а мы пожалели патроны. Сначала меня захлестнули так называемые космические чувства. «Мечта сбылась, мы в тайге!» — попытался я воодушевить себя, но не ощутил в сердце радости. Потом до моего слуха начали доходить непонятные звуки. Я как-то читал, что днем окружающие нас предметы вбирают в себя различные шумы, а ночью рассеивают их. Ни с того, ни с сего вдруг зашумел лес, с треском упала сухая ветка. Тут же встрепенулась и закричала прямо над головой какая-то птица. Ки-и-кик! Ки-и-кик! — угрожает она кому-то. Или, может, песня у нее такая? Филин, подумал я, но ошибся, оказывается, это была куропатка. Филин обычно стонет голосом измученного путника, который заблудился и устал плутать: «О-о-й! У-у-уй!» Не только у новичка, у бывалых людей волосы становятся дыбом. Осторожно двигается между деревьев испуганный зверь, остановившись, прислушивается. Вдруг мелькнет в молниеносном прыжке чья-то тень, хрустнут ветки, донесется придушенный хрип...

По телу пробегают мурашки. Не то что кинуть веткой на шум — дышать боязно.

Никуда не спрятаться от комаров. Снизу колет трава. Холодно. Устав переворачиваться с боку на бок, я поднимаюсь и сажусь. Мой первоначальный восторг по поводу того, что я, наконец, в тайге, кажется глупым и наивным. Таежная жизнь оказалась совсем не такой, какой представлялась мне в городе, и это злит. Словно стараясь раз и навсегда вразумить человека, отучить его от пустых грез, мечта и явь постоянно расходятся. Но человек все равно не оставляет мечту; действительность, в свою очередь, не перестает подставлять ему ножку. Так и идут они рядом, явь и мечта, редко когда сходясь на одной дорожке...

Проснулся Амикан, начал сонно потирать лицо.

— Ты чего не спишь? — заметил он меня.

— Выспался, — соврал я.

Амикан снова нырнул в подстеленный мох и засопел.

Нагрянул неожиданный дождь. Он лил как из ведра. За пазуху потекла вода, словно змея заползла...

Так и не сомкнул я в ту ночь глаз.

А утром началась сказка. Амикан немного посвистел — и на нашу поляну слетелись куропатки. Прикрепил к берегу корягу, смахивающую на утку, — прилетели утки. Глухарь вывел на поляну целый выводок птенцов...

Мы не тронули их. Было стыдно убивать птиц, доверчиво собравшихся на наш зов. Вместо этого поели зайчатины.

Но только позднее поняли, как дорого обошелся нам этот заяц. Из-за него у нас не осталось ни одного патрона. Два выпустили впустую, другим разожгли костер, а остальные, оказалось, отсырели. Теперь нам надо как можно быстрее выйти к людям. Амикан говорит, что надо идти на восток. Там море. А летом таежный народ собирается на берегу моря, порыбачить.

Мы прекрасно знаем, в какую сторону надо идти, и тем не менее движемся на север — в тайге не всегда можно пойти туда, куда хочется. А сегодня вовсе пришлось повернуть на северо-запад: дорогу преградило огромное болото. Сверху оно темно-зеленое, густо поросшее мхом и осокой. Иногда встречается карликовая береза. Под каждым шагом густая болотная жижа подрагивает, колышется. Если оступишься — считай, конец. Мы долго плутали, пока не заметили узкую тропинку. А та только и знает, что петляет, в сто изгибов проложена. Я несколько раз окунал ноги в воду. Сквозь размокшую подошву чувствуются все неровности дороги. Тянет гнилью. Душно.

— Пьяные, что ли, дорогу прокладывали? Нет бы установить мостки с перекладинами и пройти за полчаса. А то сделали на полдня ходу...

— Это не люди прокладывали, звери. Разве ты их не видишь? Хорошо, хоть они нашли твердь, иначе сюда бы и не сунуться.

Амикан говорит нарочито громко. Наверное, хочет убедить, что он совершенно спокоен и чувствует себя как дома. Но в мою сторону не смотрит. Может, обиделся? Чувствую, как у меня в душе тоже пробуждается какая-то неприязнь к Амикану. Он почему-то раздражает меня. Когда молчит, злит молчание, настораживает и его беспечный вид.

Далеко впереди мелькают тени зверей. Меня пробивает дрожь. Что будем делать, если нагрянут медведи или стадо кабанов?

Не верилось, что сможем выйти обратно к реке, но все же дошли. Умылись, освежились. Но о том, чтобы перейти на противоположный берег, и думать не приходится. Ре-

ка в этом месте очень широкая, и на другой стороне ее тоже болото.

Лишь к сумеркам по той же звериной тропе мы вышли обратно к лесу. Я спал как убитый. Проснулись утром, а у обоих лица сплошь в крови. Комары и мошкара кусали нас всю ночь.

4

Когда мы выходили в путь, мир казался мне огромным и бесконечным. Я готов был обнять весь земной шар. Сквозь радужную пелену белый свет виделся добрым и улыбчивым, красивым. Но не было тогда у меня своей точки опоры в этой необъятной вселенной. Сладостное состояние выплескивалось из души и одинаково ровно растекалось во все стороны, окрашивая окружающий мир в один цвет.

Потом в этом мире я заметил себя. Оказывается, я частенько возношусь мыслями слишком высоко, парю в бесплотных и совершенно ненужных мечтаниях. Ничего не замечая у себя под ногами, тянусь вдаль. Мальчишка, что и говорить.

Так постепенно мир начал сужаться. Потом сузился еще. И еще. Пока я не очутился лицом к лицу с собственным крохотным мирком. Я остался один-одинешенек во вселенной. Маленькая точка. Как средоточие всех начал и крах всего одновременно. Мне надо было начинать осознавать жизнь по-новому. На сколько хватит ума и сил. Не поверхностно, как это я делал раньше, а по правде. Но я понял это позднее. Уже будучи взрослым. А тогда мы жили, как жилось, не особо задумываясь, не стараясь заглянуть в день завтрашний.

...Поваленные в беспорядке деревья, сухие ветки, хвоя кедра и лиственницы — не выбраться. И трава на полянах выше человека. Слежавшиеся вика и цепкий подмаренник при каждом шаге порываются стащить с ног башмаки. К потным лицам липнут мухи и слепни, даже сквозь рубашку обжигает комарье, в глаза, в нос, в уши вливается мошкара — хоть ты лопни от злости. В висках стучит кровь. Лесная тишина давит так, что кажется: она вот-вот расплющит тебя.

У меня у одного башмака оторвалась подошва. Мы перевязали его корой можжевельника, но долго ли выдержит?

На одной возвышенности увидели быстроногих серн.

Они звонко процокали совсем близко от нас. Похоже, даже зверь чувствует, когда человек без оружия.

...Сеет назойливый дождь. Мелкий, пронизывающий. Моросит и моросит. Словно крестьянин принялся за работу, которая заведомо должна тянуться долго: он знает, что в любом случае ее за день-два не закончит, вот и не спешит. Все вокруг завесило дождяными нитями. Тяжелые набухшие тучи свисают над лесом, как коровье вымя. Сейчас мне совершенно все равно, куда мы идем. Плещусь за Амиканом, не соображая, день сейчас или уже приближается вечер; идем ли мы на север или в какую-то другую сторону.

Может, и Амикан бредет наугад? Нет, выражение лица у него все-таки осмысленное. Заглядывает зачем-то в дупла деревьев, бормочет стихи...

Вдруг он заметил в примятой траве какие-то следы и сказал, что они человеческие. Как мы обрадовались! Разом ожили, заговорили, так и чешем вперед по следам. Прошедшие перед нами тоже суетились, петляли, — дружно решаем мы. Но, с другой стороны, тайга — не городская улица, чтобы по ней можно было ходить, как по ниточке. Пусть так будет, ладно. Следы человека все равно приведут к людям, они — вещь надежная. Это не то, что угадывать дорогу по деревьям, звездам и прочим ориентирам. Возьмите, к примеру, те же облака. Грузные, что внизу, ползут в одну сторону, а легкие, клочковатые, почему-то плывут в другую. Каким же из них верить?

Покружив по следам, мы вышли... на поляну, на которой ночевали несколько дней назад. Не только я, но и Амикан, вижу, испугался. По своим следам плутали, бедолаги. Если будем топтаться так на одном месте, ни до какого моря не доберемся. А море для нас сейчас все: найдем его — жизнь, не найдем — смерть...

А на поляне похулиганил медведь. До основания разрушил наш шалаш. Изрыл вокруг землю.

— Что искал здесь тетка? — Амикан нагнулся к земле и заговорил, словно расшифровывая древние письмены: — Ста-а-рый зверь... Самец... Злющий. Как на грех, чем-то очень рассержен. На глаза ему лучше не попадаться, Педер.

Я читал, что таежники даже по следам могут узнать о многом. Но ведь Амикан еще совсем пацан. Их семья ушла из тайги, когда ему было не больше восьми лет. В этом возрасте я один к лесу и подходить боялся.

— Можно подумать, что глядя на след, ты видишь самого медведя.

— Вижу, — Амикан выпрямился, но вдруг начал отступать, наткнулся на меня... — Во-он... Не там, левее! За деревом!

Так и есть медведь. Огромный. С отвисшей челюстью. Стоит не очень-то и далеко, меж двух берез, выросших из одного корня, тоскливо смотрит на нас.

Вспомнилось, как дядя Гуриуль рассказывал, что в тайге дикие звери любят ходить по следам человека. Почему так притягательны следы врага? Или этот медведь ждет, когда мы выбьемся из сил? А вдруг он и не один, может в этот момент звери наблюдают за нами тысячами пар глаз?!

...Амикан топает ногами посредине поляны, орет дурным голосом, размахивает руками — ни дать, ни взять, свихнулся. Под конец он вплотную приблизился к медведю, смачно плюнул в его сторону и побежал в лес.

Похоже, Амикан удивил не только меня, но и медведя. Тот выполз из-за дерева, тупо глянул в мою сторону... потом снова устроился между березами.

Прошло полминуты, а может, полчаса, когда на поляне снова появился Амикан. Худенький, маленький, он поднял ружье, как палку, и подошел к близнецам-березам, ударил по дереву.

— Ну-ка, убирайся отсюда!

Но я чувствую: не дай бог сейчас медведь сделает хотя бы один шаг в нашу сторону или просто взревет, мы оба свалимся замертво. Но медведь вдруг послушно повернулся и поплелся в тайгу. Мы где стояли, там и сели.

— Ты рехнулся? — негромко поинтересовался я.

Амикан ползком придвинулся поближе и положил мне на плечо дрожащие руки.

— Молчи, Педер.

Мне хочется поговорить.

— Почему?.. Он ведь ушел. Он бы тебя не догнал?

— Ты что... Если медведь побежит, он и зайцу фору даст.

Я обнял Амикана.

— Послушай-ка, Ами. Прошу тебя, больше так не рискуй. Ты же не один здесь. Если с тобой что-нибудь случится, куда я денусь?

— И я об этом же подумал. Если честно, я не собирался к нему подходить, ноги сами понесли. Уже у него

под носом очухался, но отступать было слишком поздно.

Руки-ноги у меня совершенно обмякли. Лечь бы, отдохнуть, но нельзя: надо идти. Сначала — поесть ягод. Потом — искать какое-то море. Человек всегда найдет себе занятие.

Обессиленно шагая вслед за Амиканом, я рассуждал: «Нет, дорога, на которой за день приходится несколько раз умирать и воскресать, не для меня. Я не собираюсь стать первооткрывателем земель или геологом-разведчиком. Так зачем мне ходить по тонкому льду, который в любой момент может провалиться? Я же знаю, что внизу бездонная пропасть».

— Послушай-ка, Ами, пошли домой, а? То, что можно было увидеть, мы увидели, остальное оставим на следующий раз. Иначе устанем, проклянем все и больше не захочется выходить в дорогу...

Амикан дождался меня, но глаз не поднял. Мы пошли рядом.

— Выйдем туда, где потеряли лодку. Кто-нибудь же должен проплыть по реке, возьмут с собой и нас, — продолжаю я. Но чувствую, что Амикан не согласится со мной, и поэтому мне еще больше хочется убедить его. Вернее, даже не так: я боюсь, что услышу сейчас совсем не то, что хотелось бы услышать, и пытаюсь оттянуть время, чтобы хоть как-то собраться с мыслями, подготовиться к тому, что скажет Амикан. — Возле реки уток можно поймать...

Я что-то говорил, говорил, а сам тем временем лихорадочно соображал, что может сказать сейчас Амикан, какой «сюрприз» преподнесет жизнь. Вдруг Амикан возьмет и скажет: «Я дома, а ты как хочешь». Нет, он не из таких. Или, предположим, один из нас заболит? Амикану ничего не страшно, он лесной человек. Что будем делать, если я выбьюсь из сил? Тащить меня он не сможет. Нет, ни в коем случае нельзя валиться с ног.

— Нет туда дороги!

То ли я действительно услышал эти слова, то ли мне показалось.

— Что — нет? — спросил я на всякий случай, помутневшими глазами оглядываясь в поисках друга. Оказывается, он рядом со мной.

— Обратной дороги нет, — отдельно произнес Амикан.

— Почему — нет?

— Отсюда ближе не оставшаяся сзади река, а море. До дождей я даже чувствовал его запах.

— А я никакого запаха не слышал...

— Ты не видел моря, поэтому не знаешь, как оно пахнет. Морская вода слаще березового сока. Если попробуешь ее один раз, то уже никогда не забудешь. Откажут ноги — на животе поползешь к морю!

— Ну, это уж ты загнул.

— Ничего не загнул. Запах моря лучше любых духов и одеколонов, вот как!

— Подожди-ка, разве не ты говорил, что никогда не видел моря?

— Отец рассказывал, — нашелся он, немного помолчав.

— Ни на ногах, ни ползком мы не доберемся до моря. Мы заблудились, ты сам это прекрасно знаешь. Для нас есть только обратный путь...

Ох и вспыхнул Амикан!

— Возвращаться в тайге обратно — верная смерть. — Похоже, и это он слышал от взрослых. — Что остается позади? Могилы умерших родственников, пастбища без корма для оленей, лес, в котором поредели звери. Если человек хочет выжить, он идет в тайге только вперед. И для нас другой дороги нет.

— Ты хоть соображаешь, где у тебя вперед и где назад! — разозлился я. — Разве можно здесь знать наверняка, что идешь именно вперед? Болтаешь тоже. Надо скорее вернуться по старым следам.

— Их нет. Дождь смыл все следы. До дождя мы правильно шли. Стволы деревьев с южной стороны были голые, с северной — обросшие мхом.

— Для нас все едино, никакой разницы. Скоро выбьемся из сил, упадем...

— Почему ты не ешь, Педер? Зачем брезговать в трудное время?

Об этом мы говорим не впервые. Таежник не умрет в лесу от голода даже с голыми руками. Здесь тьматьмушая разных зверей и зверюшек, растений. Амикан и мне советует есть сырое мясо. А я не могу. «Европеец», как-никак.

— Если не захочешь умереть, съешь, — говорит Амикан, но я вряд ли смогу это сделать.

Что можно есть, а что — нельзя? Привычка к определенной пище у каждого народа, конечно же, зависит от условий жизни. У чукчей, скажем, своя пища, у армян —

своя. Некоторые народы, говорят, едят лягушачье мясо, другие обожают жареных кузнечиков — и ничего, живут. Но это же вовсе не значит, что ты тоже можешь питаться лягушками.

— Не голодал ты еще, вот и упрямишься — говорит Амикан.

Второй день Амикан отламывает ветки, оставляет метки на деревьях.

— Что это у тебя за суеверие, Амикан?

— Где ты видишь суеверие?

— Ветки подряд ломаешь.

— Так просто. От нечего делать.

Тонкой, испачканной смолой рукой Амикан снова с треском отламывает ветку. Мы идем дальше.

— Надеяться, что нас по ним найдут — пустое, — говорю я, угадав мысли Амикана. — Люди в тайге как горсть мелких камешков, рассыпанных по дну моря. Один камешек на двести-триста верст. Когда они встретятся друг с другом?

— Встретятся! — Амикан не знает, как убедить меня.

— Года через три, может, и увидят твои метки. До тех пор сквозь наши кости дерево прорастет.

— И раньше могут увидеть.

Амикан идет впереди, я — за ним. Амикан в башмаках, в штанах с рваной штаниной, без рубашки. Башмаки у него крепкие, как бы в порядке компенсации, он снял и отдал мне свою рубашку.

Когда надоедает молчать, Амикан внезапно запевает или, раскрасневшись, принимается орать по-кошачьи:

— Мяу! Мя-я-у-у!

— Ты что, свихнулся?

— Это я рысей поприветствовал. Как, хорошо у меня получается? Ведь точь-в-точь настоящая кошка?

— Даже лучше. Как леший.

— Это что за зверь? В ваших краях водится?

— Водился, да сейчас нет. Исчез.

— Жаль, — говорит Амикан и спрашивает: — Ну как; прошел твой сон?

— Прошел.

На какое-то время в самом деле становится легче. Я начинаю улавливать шелест дождя, глаза вдруг различают стволы деревьев. Потом снова надвигается дрема. Голова свисает на грудь, ноги заплетаются, глаз никак не разлепить.

Теряется связь с внешней средой. То ли меня укачи-

вает на мягкой пакле, то ли я валяюсь в болоте. Потом вдруг начинают тянуть веревкой из стороны в сторону. Голова тяжелая, словно налита свинцом. Кажется, что если перетянет одна сторона, я провалюсь сквозь землю. И ничто, никакая сила не сможет удержать. Непонятно, как еще иду...

— Амикан, подожди. Давай отдохнем.

— Мы же только что отдыхали?

— Поспим немножко. Тепло сейчас...

— Поспим?! — пугается Амикан. Я не различаю его лица, только слышу рядом с собой хриплое дыхание. — Ты что! Нельзя. Вот дойдем до моря и хоть неделю спи, не просыпайся. И прошлой ночью много спали.

— Устал я. Ноги не идут...

— Нет, нет, и не говори. Если ляжешь, можешь больше и не встать. Держи вот мясо, пожуй, займись делом. Вставай. Хотя бы потихоньку, но надо идти.

...Кажется, стоит приложить немного усилий, взглянуться чуть пристальнее — и передо мной что-то распахнется настезь, станет ясным, понятным то, чего я еще не понимаю, но стараюсь понять. Все это настолько подсознательно, что я сам не отдаю себе отчета в происходящем. Меня бросает в дрожь, словно я на пороге какого-то открытия. Говорю «открытия», потому что не знаю, как назвать это чувство. Может, это зов неизведанных земель, которые я скоро открою? Или таинство нового слова, которое суждено произнести именно мне?..

Своей преждевременной радостью я, наверное, вспугиваю его: оно гаснет, так и не проявившись.

Снова видение. Ты хочешь пройти по тонкому, как острие меча, мостику, потому что тебе просто больше некуда ставить ноги. Этот мостик — как граница, отделяющая противоположности. Но удержаться на ней нет никакой возможности. Либо ты на одной стороне, где царят хаос и темнота, либо на другой, где свет слепит глаза. Либо ты разумен, либо уже невластен над собой, стремглав несешься вниз по течению.

Чтобы не упасть, ты за что-то схватился и поранил руки.

Третье видение — взрыв. Давящая изнутри муть вдруг разорвалась и погасла.

— Что со мной, Ами?

— Ничего. Почему ты решил, что с тобой что-то случилось?

— Знаешь, у меня все перепуталось. Мне показалось,

что я слышу, как разговариваю сам с собой. Давно мы остановились?

— Только что... Передохнем немного.

— Как хорошо лежать! На лицо накрапывает дождь. Свежо... Подожди, Амикан, откуда эта кровь?

— Ерунда. Из носа у тебя немного пошла. Не стоит обращать внимания... Мы же в лесу. И ветка поцарапает, и комар укусит.

— На лбу шишка! Руки в крови. Амикан, что это?

— Ты как ребенок, Педер, честное слово. Увидел кровь и с ума сходишь: «что это» да «что это». Кровь, конечно, что еще? Остановил я ее, больше не идет. Ничего ведь у тебя не болит, что еще надо?

— И как на отдых остановились, тоже не помню. Голова кружится... Амикан, наверное, ты что-то скрываешь?

— И скрывать нечего. Ну, упал. За дерево слегка задел... Пустяки, даже говорить не стоит. Ты же мужчина. Давай, вставай, Педер. Нам надо спешить.

— Куда?

— Какой толк задавать сотни раз один и тот же вопрос. Вот дойдем, и сам все увидишь. Вставай быстрее.

— Я не могу идти. Если даже встану, все равно упаду.

— Ну-ка, поднимись, я посмотрю.

— Уйди, Амикан, отстань. Дай отдохнуть. Не теряй зря времени.

— Нельзя нам расслаживаться. Некогда. Идти осталось совсем немного. Слышишь: вдалеке шумит море.

— Это не море, а лес. Тайга.

— Можно подумать, я не отличаю шум леса. Море это...

— Лес...

— Ну, хорошо, пусть будет по-твоему. Но все равно надо вставать. Мы добирались до тайги не для того, чтобы спать.

— Иди, Амикан, я догоню тебя.

— Пока ты не поднимешься, я и шага не сделаю.

— Тогда ложись.

— Ты что, издеваешься? Почему не хочешь взять себя в руки? Ты же старше. Я неправ сейчас, сам это чувствую. Так встань, поругай меня. Научи, наконец, что делать, как быть дальше...

Я молчу.

Амикан говорит, говорит, говорит—уговаривает меня, утешает, хвалит, ругает, грозит, плачет, даже пытается за-

петь. Дергает за руки, за ноги, пробует волочить по земле — ничего не получается. Были бы силы — взвалил бы на плечи и понес, но откуда они у него. Пинает меня ногой ниже спины — я ничто, я превратился в безвольную тряпицу и ничего не чувствую, не шевелюсь. Но вдруг мою голову пронзает обжигающая боль, словно на нее капнули расплавленным свинцом. Я подпрыгиваю, как пружина, и вижу отбегающего в сторону Амикана.

— Что ты наделал, черт?!

— Черт?

— Что наделал, говорю?

— Ничего я не делал.

— Разве можно так пугать спящего человека? За это тебя...

— Ты же только что разговаривал со мной. Я подумал, что просто прикидываешься.

— «Прикидываешься»... Вот возьму и ни одного волоска на твоей голове не оставлю.

— Если догонишь — пожалуйста. Но из-за пяти-шести волосков... Ну, пускай будет десять. Все равно выдергивать из-за них все мои волосы нечестно.

— Там разберемся, что честно, а что — нет. Я бы до сих пор выпался.

— А сам не спишь. До сих пор мы перешли бы во-он через ту сопку.

5

Если бы мы знали, что проводим вместе последнюю ночь!.. Никогда не надейся на завтра, не оставляй на потом то, что надо сказать сегодня, не обижай друзей в надежде, что еще успеете помириться. Спешь быть добрым сегодня, сейчас. Завтрашний день для тебя может и не наступить...

Амикан носит из леса мох, чтобы можно было устроить подстилку. Он бесшумно скрывается в вечерних сумерках и так же без единого звука возникает. Словно тень. В тайге он совершенно изменился. Если ему понадобится, может исчезнуть даже в трех шагах от тебя, и как ни ищи его — не найдешь. И точно таким же образом появляется: только что его не было, нигде не хрустнула даже ветка, а Амикан стоит перед тобой. Прищурил глаза и внимательно разглядывает, будто видит впервые.

На звериной тропе он и сам сродни дикому зверю: осторожен, внимателен.

...В ожидании Амикана Педер дремлет под деревом, вслушивается в блаженно ноющее тело. И ничего не видит, не слышит вокруг. Обступившая со всех сторон тайга словно оглушила его, лишила привычных чувств, сознания. Сейчас он зароется в мягкий мох и хотя бы во сне вырвется из тайги...

Как ни мечталось поспать, не получилось. Вонзилась и уколола в спину ветка, кто-то укусил в бок. Потянулся почесаться — осторожно шевельнулась змея. С воплем ужаса Педер вскочил на ноги.

Проснулся Амикан.

— Ты что, Педер? Приснилось что-нибудь?

— Змея!..

— Где?

— На подстилке. Я ее рукой задел!

— Ну-ка, посмотрим. Вроде бы чистый мох собирал. — Амикан пошарил руками вокруг себя и с силой что-то отшвырнул. Чок! — мягко шлепнулась змея о дерево. — Иди, ложись, Педер, отдохни. — Не дождавшись Педера, он захрапел.

...Все тело, как одна свежая рана: надсадно ноет, болит. Только успокоишься, уютно погрузишься в свои мысли, а на тебя вдруг падает ветка, проваливается куда-то нога. От голода привычно подташнивает. От страха и усталости трясутся ноги. Так хочется есть, что непрестанно сосет под ложечкой. Надеюсь перебороть голод, Педер выпячивает живот, надавливает кулаком на желудок. Сквозь пустые кишки руки нащупывают позвоночник. Как он похудел, бедняжка! Поплакать бы, да неудобно перед другом. Прилечь бы, отдохнуть — страшно. Повернуть назад — и это, оказывается, нельзя.

...Море, море, говорит Амикан. Какое оно—море? В детстве, слушая сказки, Педер представлял море таким большим и широким, что даже противоположный берег его виднелся еле-еле. Там растет камыш. И видимо-невидимо уток, гусей. Как там в народной песне поется: «Плывут по морю гуси-лебеди?..» Берега у моря крутые, а вода внизу, на дне, как в корыте. Ведь и у него на родине вода в оврагах и речках всегда течет глубоко внизу. Морская вода, оказывается, слаще березового сока. Как же ее тогда до сих пор всю не выпьют? Если соберутся люди и звери, наверное, моря хватит ненадолго.

Педеру почему-то кажется, что море должно издалека светиться. Как только Амикан заговорит о море, Педер

нет-нет да и глянет на краешек темного горизонта: не по-
лыхнет ли там свет?

...Вдруг Педер замечает себя как бы со стороны: на-
сквозь продрогший, с ввалившимся глазами и прилип-
шим к позвоночнику животом он оцепенело застыл в
кромешной ночи, где-то у черта на куличках. Волосы
торчат во все стороны, как иголки у ежа. Немыт, нече-
сан, в одних лохмотьях. Чем не лесовик?

«Все бы куда ни шло,—совершенно отчетливо проносится
у него в мозгу,—только бы наесться хоть один раз досыта.
Потом пусть будет все, что угодно. Даже можно протя-
нуть ноги здесь, в этой забытой богом глуши. Кажется,
что на сытый желудок и умирать легче»...

Амикан простыл — кашляет, но все равно не просыпа-
ется.

В лесу холодно. По-прежнему идет дождь. Его мер-
ный шелест перебивается шумом отдельных капель: они
срываются с веток и звонко падают на землю. Благодать,
поди, зверям, которые охотятся ночью: во время дождя
трудно различить шорохи. Или в слякоть они тоже отлежи-
ваются в норах? Нет, коль проголодаешься, на погоду не
посмотришь...

Педер нагнулся, нашарил подстилку и сел возле Ами-
кана так, чтобы касаться его спины. Хоть и спит, но ря-
дышком все же немного теплее. Но что такое, не заболел
ли он часом? Больно уж горячий. А мох он, видать, соби-
рал под деревьями: сухой...

В мире нет ничего запутаннее и сложнее, чем челове-
ческая душа. Если записать по порядку все ее порывы,
сам удивишься.

В городе не было никого дружнее Педера и Амикана,
а в тайге им даже не о чем говорить. Когда раньше ребя-
та в шутку дразнили Педера трусом, он не обижался. Но
с тех пор, как понял, что это действительно так, даже со-
чувствующий взгляд Амикана выводит его из себя. «Я и
один не испугался бы тайги», — бормочет он иногда себе
под нос, но ведь боится. И это еще пуще злит его.

Вроде бы он понимал тайгу. По книгам. Даже поучал
Амикана. Держался так, словно ему уже нечему было
удивляться. На поверку все оказалось детской забавой.
Ни тайгу, ни себя он не знал.

Уже несколько дней Педера тревожит какое-то смут-
ное, неясное ощущение, будто ему обязательно надо вспом-
нить что-то очень важное, запомнившееся им когда-то на
всю жизнь. Что это: хорошее или плохое? Неизвестно.

Но беспокойно почему-то на сердце, тяготит Педера какое-то предчувствие — вряд ли это в предверии радости. Сейчас надо бы собраться, припомнить все от начала до конца и хотя бы тем снять с души камень. Но Педер, наоборот, старается отмахнуться от охватившего его наваждения. И в первый раз он не додумал до конца встревожившую его мысль, оставил на «потом». На воспоминающие наслаивались другие, хоть и менее важные, но многочисленные, заслонявшие и отдалявшие от него то, самое необходимое. Так и начало оно забываться, как привычная старая рана, которая дает знать о себе лишь изредка, когда ничто другое тебя не беспокоит и ты наедине со своими мыслями.

В предрассветном тумане начали проступать темные очертания деревьев. Шумно хлопая крыльями, пролетела большая птица.

«До-ду-ма-ать, непременно до конца додумать, как только вспомнится еще раз,—повторяет про себя Педер,— «зарубить на носу». — Он касается ладонью носа, но рука безжизненно падает на лицо, словно посторонний предмет.

Он впал в дремоту.

От того, что шевельнулся Педер, проснулся Амикан. Встал и сходил за кусты. Свалявшимся под собой мхом накрыл друга. Растер рукой грудь, попрыгал, стараясь взбодриться. Тем временем рассвело. По земле клубится туман.

Амикан зашагал в лес.

Из беспокойного сна Педера вырвал друг.

— Вставай завтракать, Педер! Быстрее! Ягод поедим. Радуйся — погода налаживается. Видишь — дождь прекратился. И птицы, вон, веселее защебетали. Еще бы солнце показалось, — разбудил его Амикан и весело затораторил:

Представь шальное море, ветер,
Но солнце мчится нам навстречу.
Друг, посох выстругав покрепче,
Садись скорее на оленя.

«Зачем притворяться, обманывать себя? — подумал Педер, лежа и безучастно глядя в небо. Перестать-то дождь перестал, и воздух теплый, но слишком сыро, парит, словно в бане. Над верхушками деревьев тянутся мокрые облака. Хоть и кажется, что белый свет и за неделю не просохнет, чует Педер крестьянским нутром: сегодня где-то есть солнце. Может, и оно отсырело в этой слякоти, но

все же сегодня есть солнце: до тела доходит его влажное тепло.

Педер вспомнил свою потайную мысль, вздрогнул и испуганно посмотрел на Амикана: не догадывается ли друг о его планах? Ведь у Педера обычно все написано на лице...

От резкого движения у Педера разболелась шея. Не только шея — все тело какое-то затвердевшее, тяжелое.

Он повернулся и лег ничком, поджал под себя ноги и встал на колени. Потом, опираясь руками о землю, медленно поднялся.

Амикан, наблюдавший за ним, подумал:

«Он именно сейчас должен взять себя в руки, если не хочет умереть с голоду. Надо научиться искать ягоды, есть сырое мясо. В городе под прикрытием других всяк может прожить. Здесь же побеждают только сильные, помни об этом, дружище».

— Тронемся в путь, и сразу станет легче, — он начал подбадривать Педера. — Погода вон проясняется. Правда, правда. Может, и идти осталось всего ничего? Выглянет из-за туч солнце, глядь — и окажется, что мы почти у моря. Думаешь, так не бывает? Сколько хочешь! Давеча здесь пролетал белохвостый орел. Отец говорил, что его иногда называют морским. Во-он в ту сторону полетел. Он должен жить недалеко от моря.

«Раскаешься потом, но будет поздно», — с грустью думал Педер, не слушая Амикана. Ему хотелось, чтобы люди навсегда запомнили его как очень хорошего, доброго и умного мальчика. Поэтому он, начиная с этого момента, решил слушаться Амикана во всем, и хотя бы таким образом искупить перед ним вину за свою безвременную смерть.

— Что у нас на завтрак, ты говоришь?

— Ягод собрал... И... мясо тоже есть.

Педер по привычке хотел спросить, что за мясо, но промолчал. Он заговорил нарочито бодро, как бы привыкая к новой роли:

— Что мы будем есть на первое?

— Это на твой вкус, — обрадовался Амикан. — Я сначала поел ягод. Чтобы освежить горло... Но и наоборот не повредит. Даже вместе можно. Кто как умеет...

Амикан нашел какие-то странные ягоды — красновато-желтые, крупные, с кислинкой. Таких ягод Педер никогда не видел. К счастью, с ними все обошлось. Но едва

Педер положил в рот кусочек сырого мяса, с отвращением отделив его от тушки, с которой Амикан только-только снял шкуру, и даже не успел распробовать мясо на вкус, как его затошнило. И как начало рвать! Градом текут слезы, никак их не удержать, живот мелко дрожит, горло издает всхлипывающие звуки. Он вконец обессилен. С одной стороны, Педеру самому надоело голодать, он бы и поел, чтобы хоть ненадолго избавиться от слабости, почувствовать в себе какие-нибудь силы. Но организм не хочет внять голосу разума, бунтует. И Педер не сдержался, размазывая по щекам слезы, стыдясь сам себя, громко, навзрыд, заплакал.

«Каюк мне, — думал он, и не верил себе. Наверное, и умирая человек до самого конца на что-то надеется, не верит, что он умрет. — Мы сбились с пути. Есть нечего. К тому же, скоро я совсем выбьюсь из сил и не смогу идти дальше»... Стараясь уверить себя, что все будет именно так и он скоро умрет, Педер проникался острой жалостью к себе, и в то же время в глубине души противился такому концу, надеялся, что этого не случится.

Амикан перепугался и не знает, что делать. Он суетится вокруг Педера, пытается заглянуть в лицо. Решив, что ему не понравились ягоды, собрался было еще раз сходить на болото, но передумал, повернул обратно. Торопливо швырнул за деревья тушку зверька...

Постепенно Педер начал успокаиваться, сидит, только изредка всхлипывает. Потом он встал, пошел к реке, умылся и окончательно пришел в себя.

— Тебе надо было попробовать попить воды, — осторожно сказал Амикан.

Педер заставил себя улыбнуться:

— Чтобы чем-то заполнить Торричеллиеву пустоту? Я уже попил.

— Ну и как? — заулыбался Амикан. — Молчит желудок?

— Пока молчит.

Амикан осмелел еще больше:

— Уж очень он у тебя нежный. Моему хоть бы хны, даже кабанью голову могу сожрать.

— Скажешь тоже. От кабаньей головы и я бы не отказался.

— Не хочешь еще раз попробовать ягод?

— Давай.

Поели ягод — и оба почувствовали себя гораздо лучше.

— А может... — начал Амикан и посмотрел Педеру в глаза.

— Мяса? — догадался Педер. — А ничего не будет?

— Тогда опять начнем сначала. Тебе надо перебороть свой желудок.

— А куда ты дел мясо?

— Я сейчас! — Амикан кинулся в кусты. Отыскал тушку и, спустившись к воде, обмыл. Вернулся и положил мясо перед Педером.

Педер отодрал и положил в рот сначала малюсенький кусочек, с синичкину ножку. Что будет, то и будет! Посидели, подождали — вроде бы обошлось. Выждав немного, откусил еще раз. Хорошенько разжевал. А третий кусок Педер даже не успел разжевывать...

— Может, на первый раз хватит? — Амикан хотел забрать мясо, но Педер не дал.

— У тебя и без него есть, что нести. Лучше я его доем.

Они тронулись в путь. Педеру было неловко, он начал упрекать себя. Какой он неблагодарный. Амикан старается ради него, а он все норовит лечь и не двигаться. Нет, Педер один никуда не пойдет.

6

И все же Педер отстал от друга. Он и сам не может понять, как это получилось...

Но, может, его бросили?

...Они миновали одну сопку, обошли вокруг другой. Местами клубится туман. Когда попадаешь в скопления тумана — холодно. А выходишь из него и сразу становится тепло, словно зашел с улицы в топлённую избу. Тайгу здесь тайгой и не назвать — деревья редкие, низкорослые. Трава и та хилая. Земля здесь, видать, такая — не родит. Педер наклонился, хотел обследовать почву, и почувствовал запах горелого. Может, люди недалеко?

— Этот дождь, наверное, и лесные пожары потушил?

— Отец говорит, что здешние пожары не могут потушить ни осенние дожди, ни зимний снег. Огонь скрывается в земле, а летом, как подсохнет, снова вырывается наружу. Говорят, если ребенка провести через костер, зажженный от такого огня, он не будет болеть.

Что-то похожее бытовало в старину и у чувашей. Если на людей или на скот нападала чума, рыли так называемые земляные ворота и разжигали на них огонь. Добывать огонь разрешалось только трением двух деревяшек.

Перед этим очаги во всех домах заливали водой. Весь деревенский люд вместе со всей живностью проходил через эти ворота. Считалось, что земля и огонь — священные, они спасут от болезней.

Но и это не помогало, — чума не боялась огня.

Оказывается, у совершенно разных народов есть много общего в обычаях. Даже у чувашей и эвенков, которые никогда не встречались на дорогах истории, некоторые обряды схожи.

Педер устал, еле передвигает ноги. Что за чертовщина, ведь только-только тронулись в путь. А-а, понял: чтобы не ушибить пальцы, которые высовываются у него из рваного башмака, он наловчился ступать осторожно, и все сухожилия напряглись, онемели. Полежать бы несколько минут, расслабиться, но вряд ли Амикан захочет подождать. Вон он уже карабкается на сопку. Наверно, хочет глянуть сверху: не появится ли где море? Жди, появится! Если бы за каждым поворотом плескалось по морю, его бы никто и не искал.

Как не похожи люди друг на друга! Один смотрит вперед, другой все норовит оглянуться назад. Один властен, другой кроток. Когда Педера тянет ко сну, Амикану хочется петь...

В городе их объединяла одна мечта. Теперь же они знают друг друга слишком хорошо, и это отдаляет их. Педеру кажется, что Амикан перестал уважать его, и это обижает, раздражает. «Амикан всегда все делает, как ему вздумается, — злится он. — Нет бы сначала посоветоваться». Вот он свернул с невидимой тропинки и зашагал на вершину сопки.

— Больно нужно, — ворчит Педер. — Если на то пошло... — Но сам по-прежнему идет вслед за другом.

Ему хочется, чтобы Амикан во всем советовался с ним. Даже больше: делал так, как хочется Педеру. Захотелось, скажем, Педеру полежать — пусть вместе с ним лежит и Амикан. Тогда бы все устроилось, пришло в порядок.

Только на сердце почему-то беспокойно. Тревожно. То ли это опять желание что-то вспомнить, то ли невозможность забыть. Надо бы покончить с этой пыткой, всколыхнуть всю душу до дна, вспомнить.

Что это за заноза? Смерть старшего брата.

Вот последняя картина перед тем, как они потеряют друг-друга.

Сопка. Внизу, задрав голову, стоит Педер. Амикан

карабкается все выше и выше. Время от времени он исчезает из глаз — видимо, его скрывают кусты. Потом снова выбирается на открытое место. Осыпаются под его ногами камни. Над крутым скалистым откосом кружат потревоженные птицы. Педеру они напоминают пчел, облепивших должею. Вершину сопки накрыло белое облако. Стадо горных коз, бродящее по краю сопки, поднимается выше и исчезает в «воздухе», кажется, что небо должно быть еще выше.

Вдруг у Педера потемнело в глазах. Как ни расширай старательно зрачки, ничего не видно. Опустив голову, он немного посидел и лег на землю. Почему бы не отдохнуть, пока Амикан поднимается на сопку?

Это было последнее, о чем он успел подумать.

7

Он испуганно вздрогнул и проснулся. Казалось бы, в ту же секунду. Ведь только-только лег, едва успел коснуться головой земли. И тело по-прежнему сведено. И погода нисколько не изменилась.

Но откуда взялся страх? Ведь лишь секунду назад ничего не боялся. Его подняла какая-то непонятная тревога. Но все же он успел отдохнуть. Перед глазами уже не плывут разноцветные круги.

Если Педеру сказать, что он проспал не меньше пяти часов, он не поверит. Но все было именно так. Он лег и словно провалился под землю. А сейчас проснулся и смотрит на холм. Прислушивается. Тихо. Будто все кругом вымерло. «Амикан, — тихо позвал он. — Амикан», — повторил чуть громче. Вокруг по-прежнему тихо. Словно окрестности затаились, чтобы понаблюдать за Педером.

«Зачем я теряю время?» — спохватился он и, словно из заколдованного круга, вышел из тишины, вскочил и ринулся на вершину сопки. Допустим, самое большее отстал от Амикана на три-четыре минуты... Ну, пусть на шесть-семь... По краю сопки Педер быстро догонит его. Если бежать быстрее, можно даже выйти Амикану на встречу...

Нет, не нашел его Педер. Прошелся и вокруг сопки, поднялся и на ее вершину. Ошалевший от страха, он ничего не видел, ничего не замечал. На склоне горы вспугнул стадо коз — и не заметил. Упал и разбил колено — поначалу даже не почувствовал боли. Если бы в этот

момент близости шел Амикан и не подал голоса,—он и его бы не увидел.

Спустился с сопки, огляделся по сторонам и поспешил обратно. Вскарабкался на самую вершину. Оказывается, она открыта всем ветрам. Кругом валяются мелкие камешки и птичьи косточки. Есть и след руки человека: на одной стороне выковырены два плоских камня и положены один на другой. Амикан возился, конечно. Еще совсем недавно он сидел здесь, отдыхал.

— Амика-а-ан!.. Чертенок! — собрав все силы, закричал Педер.

Когда ты на вершине, кажется, что друг у подножия сопки, когда на одной стороне сопки — думаешь, что Амикан непременно должен находиться на другой. Бегал-бегал Педер взад-вперед, взмок весь, но не только не нашел Амикана, а вдобавок потерял и то место, где отдыхал. Словно привязанная за веревку лошадь, он никуда не отходит от сопки: если уйти отсюда, исчезнет последняя надежда отыскать Амикана.

Надвинулись сумерки, и Педер вскарабкался на вершину старой осины. Устроился на ветках, прислонился спиной к стволу и задумался. Как быть ему теперь? Дождаться утра и снова приниматься искать Амикана?

А если не найдет?

Он даже боится подумать об этом. В глубине души ругает Амикана. Если бы не он, ни в какую тайгу бы не вышел. Теперь сиди вот на дереве, дурак дураком. Никогда не надо никого слушать...

Педер вздрогнул и чуть не свалился с дерева. Не потому, что наконец вспомнил: этого он ни на мгновение и не забывал. Просто внезапно осознал всю силу боли, которая никогда не отпускала его, а все эти дни мучила в особенности.

И как не растеряться: самые добрые побуждения породили зло...

...Люди согласились ехать по вербовке, получили по договору деньги и теперь глушили водку, с песнями ходили по деревне. Только старший брат Педера Михаил никак не мог решиться уехать. Что-то пугало его. «Очень кстати бы зимой подработать, поднакопить денег, да как дома без меня, проживут ли, — думал он. — И путь неблизкий. На одну дорогу уйдет полмесяца»..

Как только не уговаривал его Педер, с какой только стороны не подступался к нему. «В Сибири все хорошо работают, один ты не веришь, — упрекал он брата. — По-

чему ты не хочешь участвовать в укреплении новой жизни? Поездить, повидать тоже неплохо. А как еще можно купить товары, найти материю? (Тем, кто соглашался ехать, вербовщик выдавал талон на десять метров ткани.) Поработать на великой стройке — одно это чего стоит...»

Педер уговаривал, стыдил, зывал к совести, и все-таки добился своего: вместе с группой односельчан Михаил отправился в Сибирь. Но прошло совсем немного времени и в один из студеных зимних дней брат Педера вернулся домой. Без копейки денег, без рукавиц, без шапки: ее скинули кондукторы, чтобы «заяц» соскочил с подножки вагона.

Михаил взобрался на горячую печь. Велел истопить баню.

На следующий день он заболел. А через неделю — умер. Здоровый крестьянский парень, неутомимый в работе, по праздникам удалой во хмелю, который запросто мог бы прожить шестьдесят-семьдесят лет, сгорел в неполные двадцать девять.

«Я убил брата. Это я погнал его в Сибирь. Я убийца», — кается теперь Педер, устав всхлипывать. Ах, тебе тяжело? Но разве брату было легко умирать? Стисни зубы и молчи. Не то что кого-то обвинять, ты не имеешь права даже ныть. Оглянись вначале на себя, только потом замечай чужие недостатки.

8

Педер проснулся на земле. Когда он упал? То ли сразу снова уснул и забыл, то ли спросонья даже не заметил, как свалился. Болит челюсть, горит затылок, ноет нога. День как и вчера — пасмурный, прохладный. Накрапывает редкий дождь.

Прихрамывая на ушибленную ногу, — видать, подвернул, когда свалился с дерева, — он обошел вокруг сопки, наткнулся по дороге на кусты малины, поел ягод. Небо с одной стороны посветлело. Оставив этот просвет справа, Педер торопливо зашагал в лес. Амикан говорил, что море должно быть в той стороне. Скорее туда!

Спешит, торопится Педер. Где идет, где бежит. Перемахивает через маленькие болота, словно и не касаясь земли. За ним, поди, и следов не остается, да некогда оглянуться, посмотреть. Быстрее, быстрее... Вот козлиная тропа. Холм. Опять какая-то звериная тропа. Он нигде не

не читал, чтобы дикие звери нападали на человека среди бела дня. Да и человек этот, растерянный, перепуганный, мало похож на своих сородичей. Тут и зверю не мудрено испугаться.

Пальцами ног, торчащими у него из разодранного башмака, он то и дело на скорости налетает на какой-нибудь пенек или корень дерева. Вскрикнув от боли, тянет ногу ко рту, кубарем катается по земле. Боль утихает,—Педер вскакивает и снова бежит.

...Он посмотрел в ту сторону, где еще недавно проглядывало солнце. Солнца не было. Его не было нигде. Только далеко слева тянется светлая полоска горизонта. Может, это оно садится? Но почему там?

Потом его ошеломила другая мысль. Верно говорят: чуваш тогда спохватится, когда на том берегу Волги окажется. Ему и в голову не пришло, что Амикан мог отмечать дорогу. Если бы смотрел повнимательнее, возможно, давно бы заметил его следы. И огонь могли разжечь, когда были вместе. Почему Амикан не захотел это сделать? Или он тоже забыл? С другой стороны, Педер и сам мог бы напомнить ему: он ведь не раз читал, что если тереть дерево о дерево, можно добыть огонь. Но никогда не думал, что самому придется этим заниматься. В книгах там и животные разговаривают...

Он резко, словно споткнувшись, останавливается и растерянно оглядывается вокруг. Пот ест глаза, в ушах стоит шум пульсирующей крови. Может, Амикан нарочно оставил его? Чтобы понаблюдать. Кто поверит, что эвенк не сможет добыть в лесу огонь? Может, он здесь же, рядом: сидит и подсматривает за Педером?

Да нет, он же не ребенок, чтобы так шутить. Но что странно, то странно: человек исчез, словно иголка в стоге сена.

Время от времени Педеру даже боязно дышать. Тайга кажется ему злым духом, притаившимся в ожидании забавы. Она ни за что не захочет отпустить свою жертву. Но и уничтожить не спешит. Надеется побольше помучить его: даже кошка сначала играет с мышкой...

...Тем, кто желает зла другому, наверное, не дано радоваться: ведь самая большая радость — делать людям добро. Нельзя сказать, что Педер причинял другу зло, он только слегка заносился перед ним. В глубине души. Как бы про себя. Даже вспомнить стыдно. Но почему Амикан, который моложе его, постоянно носил ружье, а Педер шел налегке? Когда Амикан снял с себя и протянул ему

рубашку, оставшись сам совершенно голым, Педер принял это как должное. Без слов соглашался и с тем, что его друг изо дня в день добывал пищу, собирал мох для подстилки. Он же в это время отдыхал. По какому праву он так вел себя?

«Но я же «гость». К тому же, в тайге для меня все непривычно. У себя дома я точно так же заботился бы об Амикане», — пытается оправдаться Педер. Но эти доводы мало утешают его. Оказывается, самый строгий на свете судья — наша совесть. Она беспокойна — значит, ты в чем-то неправ, где-то ошибся. Вместо того, чтобы поровну делить все тяготы путешествия, ты прежде всего думал о себе, был занят собственными переживаниями.

«Ружье тоже его», — снова вспоминает Педер.

«Ну и что, — говорит ему другой голос. — Ты старше, сильнее, и сам должен был нести его. Переложив всю ответственность на Амикана, ты поступил неправильно. Тебе должно быть стыдно».

Как только человек позволяет себе маленькую поблажку, он сразу переходит все границы...

9

Где ему ночевать? Взобраться на дерево не хватит сил. Да и бесполезно: рыси и медведи туда запросто вскарабакаются. А как заснешь, все равно свалишься. Остальные же звери и на земле вряд ли тронут.

Только страшно спать на голой земле.

Он попробовал подняться и повалился обратно. Совсем забыл, что босиком. (Изодравшиеся вконец башмаки еще вчера забросил в болото.) Сухая колючая трава уколола израненные ступни и боль, казалось, пронзила самое сердце.

В конце концов, это не страшно, переночевать можно везде: сейчас лето. Ложись под любое дерево и спи. А завтра он обязательно поймает какую-нибудь птицу и съест. Если уж попал в тайгу, надо учиться ее законам. И море должно быть где-то недалеко.

Ходить босиком — тоже не такая уж большая премудрость. Ступать надо осторожнее, только и всего...

Педер устроился под старой елью. Чтобы убедиться, что змей нет, сухие ветки собрал еловой лапой в одну кучу. Сначала решил было ночевать сидя, потом понял, что лежать все-таки удобнее. Здесь надежно, даже если нагрянет какой-нибудь зверь: ветви свисают прямо до

земли. И на верхушку в случае чего можно будет взобраться...

Утром он обрадовался, что смог победить себя. Хотя и дрожал от страха, пока не уснул, но все же взял себя немного в руки.

Что же мешает ему быть уверенным в себе? Мелочность. Слабодушие. Привычка валить свою вину на других...

В общем, у него куча самых разных недостатков.

В тот день от прежнего ненастья не осталось и следа. Было солнечно. Сквозь верхушки вдалеке чернела гора.

Педер оглядел свои «владения». В центре — старая ель. Между ней и могучими деревьями, в низине, большая поляна, поросшая густой травой. Один край ее упирается в болото. По этому болоту и пришел сюда Педер — темные следы от его ног все еще не затянуло.

По другую сторону ели — холмистая местность, камни, редкие деревья.

Где здесь можно найти что-нибудь съедобное? Ягоды он оставил на самый крайний случай. Сейчас нужно мясо. Не поев, он не сможет пойти дальше. Из болота доносится криканье утки, но идти туда опасно. И журавли курлычут неподалеку — да что толку? Но где же ему тогда ловить птиц? В лесу или на поляне? Педеру кажется, что в зарослях кустарников он ничего не найдет. А лес проверит по дороге. Сейчас надо поохотиться на поляне. В траве всю ночь кто-то шуршал.

Педер отломал ветку покрепче, набрал в подол рубашки камешков. Ну-с, с чего начнем? Лучше всего, наверное, вспугнуть птицу, а потом быстренько прихлопнуть. Но, может, вначале собрать их, как делал Амикан? Тогда можно было бы ловить не что попало, а даже выбирать.

— Фью-ю! — свистнул он. Из травы с шумом поднялись рябчики. Покружили над Педером и опустились на другой стороне низины.

«Ну, ладно, — не отчаялся Педер. — Так не получилось, попробуем по-другому».

Он лег на землю и пополз по траве. Но не успел пройти и несколько метров, как зацепился штаниной за камешек и порвал ее.

Может, надо просто чуть-чуть пригнуться и осторожно красться? И только приблизившись к птицам, лечь на землю?..

Он поднялся — и прямо из-под его ног тяжело взлетел старый глухарь. Педер кинул в него палкой — не попал.

Пока искал палку, вспугнул еще одну птицу. Чем они здесь питаются? В высокой траве, конечно, хорошо прятаться. Внизу песчинки, мелкие камешки. Разве что на сытый желудок клюют их? И у курицы из зоба иной раз чего только не вытащишь...

Он еще несколько раз вспугнул рябчиков, вконец издрал штаны и исцарапал колени, но никого не поймал.

Совсем рядом шевельнулись стебли травинок. Показался рябчик. Петух с ярким хохолком. Перья на шее глянцево-черные, а ближе к груди воротничком идет белая полоска. Брови изогнуты, словно глаза обведены красными кружочками, которые разделили пополам и снова склеили. Рябчик поднял одну лапку и округлыми глазами с ребячьим любопытством поглядел на Педера. Педер тоже остолбенело уставился на него. Так они стояли две-три секунды. Педер спохватился, поднял палку, стремительно вскочил, но тут же со стоном повалился обратно: укололся об острый камень. К тому времени, пока боль прошла, рябчика, конечно же, и след простыл...

Все же он поел мяса. Чук-чак-чак!—донеслось до его ушей, когда он с опущенной головой побрел в лес. Белка перескакивает с дерева на дерево и что-то ворчливо лопочет на своем языке. Педер остановился, белка тоже сначала замерла, потом, вздыбив шерстку, сама пугаясь своей смелости, побежала вниз головой по стволу. Бедняжка, конечно, недовольна тем, что в ее владениях появился незванный гость. Педер кинул палку, и дерзкая белка кубарем слетела на землю.

10

Глухой уголок тайги. Могучие стволы деревьев стройно уходят ввысь и где-то там, высоко, вырастают в небо. Здесь же, внизу, они гладкие, без единой веточки. А наверху кроны пышно разрослись и образовали зеленый потолок. Закрыли и солнце, и небо. И живи ты у подножия, как знаешь. Даже в жаркий солнечный полдень здесь прохладный полумрак, стоит прелый запах гниющих листьев. Не слышно птичьих голосов. Только денно и ночью надоедливо гудят крупные комары. Громождаются поваленные бурями или старостью деревья. Тускло поблескивает вода.

Душно.

Появляется Педер. Он оторвал обе штанины до колен и обвязал ими ступни. Но сначала подложил немного мяг-

кой травы: из-под повязок торчат зеленые стебли. Педер останавливается перед беспорядочно поваленными стволами с сухими корневищами. Вытирает рукой потемневшее от пота лицо. Одно дерево лежит в воде, как раз вдоль его пути, но толщиной оно с человеческий рост. Педер прислоняется к нему. Соседний с ним ствол — Педеру поперек дороги, но зато одним концом упирается в другое дерево. Дальше тоже громоздятся поваленные деревья.

Педер идет по стволу. Ступает осторожно, стараясь не споткнуться, готовый в любой момент очутиться в воде. Переходит на другой ствол. Тот внезапно с треском переламывается, и Педер летит в темную воду. Испуганно озираясь, пытается схватиться за попавший на глаза сук. Но он тоже оказывается трухлявым. Педер снова падает в болотную жижу. Прищемляет корягой ногу...

Хоть и не сразу, но все же Педер выбирается. Поднимает палку и начинает колотить ею по стволу. Палка ломается. Тогда он принимается пинать, толкать ствол. Из пораненной ноги у него сочится кровь. Педер хочет присесть на ствол березы, но та прогнила насквозь. Педер безразлично машет рукой и по колено в воде бредет назад, в полумрак.

Очнулся он на сухой земле. Больное сознание выхватило сопку вниз вершиной, месяц, опрокинутый навзничь. Почему все шиворот-навыворот? Но не успел додумать — земля отступилась, и Педер куда-то полетел, но, падая, успел судорожно вцепиться руками в траву. На лицо посыпалась сухая хвоя...

Под утро он еще раз пришел в себя. Но, может, сейчас вечер? Педер лежит в высокой траве. В голове звенит, в животе — тошнотворная пустота. Не чувствует ни рук, ни ног, ни единой клеточки тела. Одно желание пригвоздило его к земле — сон. Лежит, пытаясь вспомнить, почему он проснулся, и снова погружается в тишину.

Он пополз на четвереньках к болоту и попил воды. Но обратно на свое место не вернулся — к чему? Отполз чуть в сторону и тут же ничком повалился на землю. Спinoй угодил на бугорок — ну и ладно! Ноги кажется, тоже в воде — но не все ли ему равно? Перед великой тишиной, которая скоро обоймет его и кинет в вечный непробудный сон, ничто не стоит ломаного гроша. Все пустое, все суета.

Педер лежит, глядит в небо. Небо... Оно — вершина всех деяний. Последняя ступень. Конечная. Чего только

нет на белом свете? Чем только не занимаются люди в краткий миг, отпущенный им и принимаемый ими за вечность. Кто-то ворчит, ругается, всегда и всем не доволен. Кто-то трудится, не покладая рук. Кто-то всю жизнь чего-то ищет, а что—неведомо ему самому. А сколько тех, кто попусту суетится. Насколько человек бесталаннее, настолько он беспокойнее, шумливее. Но есть люди, молчаливые и спокойные, и величественные в своем спокойствии, как вон та гора. Они знают, что час их пробьет... Небо накрыло всех единым пологом и смотрит вниз, привычное ко всему. Ночью наблюдает глазами звезд и луны, днем все проверяет на ощупь лучами солнца. От пестроты и суеты жизни у неба подчас начинает рябить в глазах, и оно заволакивает свое лицо тучами.

...Педер в какой-то огромной зыбке. Или качается на качелях? Чу! — взлетают они, и у него едва не обрывается сердце. Он вытаращил глаза. Напрягся. Сердце колотится. Когда летишь вверх, не страшно, а вниз ты уже не летишь — падаешь, падаешь вниз головой в страшную пустоту. «Надо бы успеть прыгнуть, оцеп может сорваться в любой момент, тогда — смерть», — думает Педер. Тем временем качели снова взмывают к небу и вихрем несутся обратно к земле...

Педер вздрагивает, приходит в себя, поднимается на ноги. Тут же темнеет в глазах, мгла заслоняет весь мир и швыряет его на землю. Но сознание пока не покидает Педера. Он слышит, как с шумом взлетают птицы. Открывает глаза. Пошатываясь, вновь поднимается. На ближайшей осине дремлет стервятник. Заметив Педера, он лениво шевелится, но не взлетает, только усаживается поудобнее.

«Умереть здесь?» — спрашивает самого себя Педер. С восточной стороны высится гора. Ее уступы кажутся морщинами на лице старца. С двух сторон эту гору-великаншу окружают горы пониже. Впереди, позади — на всем лике земли — леса, леса... «Умереть, в этой медвежьей дыре? Э-э, не-ет, — говорит он вслух. — Здесь даже костей никто не найдет».

Педеру вспоминается, как он мечтал остаться один. Так радуйся теперь: ты совершенно один. Некому ругать или поучать тебя. Дурак, какой же ты дурак! Что можно сделать в одиночку? Только умереть. Чтобы жить, нужны люди. Много людей. Не только друзья, но и враги. Пусть тот, кому хочется ругаться — ругается, тот, кто любит поучать — поучает. Без этого тоже нельзя. Если бы сейчас

здесь объявился человек, единственным желанием которого было бы излупить Педера, он бы только обрадовался. Хочешь бить — пожалуйста. Только не бросай, не оставляй одного.

Надо идти. Надо выбраться из леса. Дойти до моря. Отыскать людей...

Он не сумел сделать и нескольких шагов — упал. Идти нельзя. Невозможно. Каждый шаг доставляет невыносимые муки: ноги режет, колет, царапает, трет; саднит старая рана. словно тайга решила отыграться на нем за прегрешения всего человечества.

От боли у Педера перехватывает дыхание, темнеет в глазах. Но почему все эти мучения должны были выпасть именно на его долю?

Педер снова попытался подняться и со стоном повалился обратно. Идти нельзя — нет дороги. Нет еды. Ничего нет. Одни только трудности. Без конца и края. Даже не трудности — перед ним каменная стена. Попробуй одолей ее после стольких дней голодовки, с руками и ногами, тоненькими, как спички.

Педер лег на кучу хвороста — он и сам сейчас словно высушенная ветка. Только глаза сверкают — так в лампе, прежде чем она окончательно потухнет, огонь вспыхивает ярче прежнего.

«Мямля ты, слабак, ни на что не годен, — ругает себя Педер. — Испугался, сдался. Но ведь бояться нечего. Наверное, я чего-то не замечаю. Или забыл. Точно так же, как мы с Амиканом не подумали разжечь огонь. Сейчас лето. Еду можно найти на каждом шагу. Вон пробежал бурундук. Чуть поодаль от тебя растет дягиль. Можно поесть его стебель. Это витамины. Я же все-таки могу шагать».

Педер заставляет себя встать, скидывает лохмотья рубашки, рвет ее на полоски. Сюда бы две дощечки. Да, дощечки. Их можно привязать к ногам, как колодки. А если сделать колодки из палок?

Педер наламывает из ветки рябины палки длиной в ступни. Берет четыре, укладывает их рядом, одна к другой, с конца кладет поперечину и завязывает. Потом закрепляет другой конец. Вот и получилась колодка. Теперь за углы надо прикрепить четыре веревки. Педер рвет траву, выстилает ею колодку, становится на нее ногой, примеряет — неуклюже, громоздко, но все же лучше, чем ступать босиком.

На другую ногу он прикрепляет такую же колодку.

Сказать по правде, толку от них мало. Завяжешь потуже — веревка натирает ногу. Чуть ослабишь — висит, мешает идти, цепляется за все травинки. И «подошва» не ахти крепкая. Расходится, как только наступаешь на острую ветку.

Через две-три версты они окончательно развязались.

К тому же, Педер начал слабеть. У него кружится голова, колотится сердце — вот-вот выскочит из груди. Он весь в мокром поту, но все же рвется вперед. Стиснув зубы, пытается идти. Погоняет себя, словно уставшую лошадь.

Во время передышки Педеру вспоминаются свои собственные слова. «Я не собираюсь стать геологом-разведчиком», — сказал он однажды. «А почему бы и не стать? — думает он сейчас. — Почему всегда надо довольствоваться малым? Мечтай о большем, малое придет и без твоего участия». Чтобы чего-нибудь достичь, надо приложить усилия. Плохое, подобно сорняку, вырастает само по себе. В моменты воодушевления кажется, что если захотеть, можно перевернуть весь мир. И сейчас Педер дает себе слово: если он выберется из тайги, то начнет жить совсем, совсем по-иному. И кем бы ни стал, как бы ни сложилась его жизнь дальше, он не успокоится малым. Это решено твердо.

А останавливаться на полпути тоже нельзя. Раз решил, раз обещал дойти до людей — дойди. Во что бы то ни стало. Отыщи друга. Выйди к морю...

У него начался бред. Останавливается передохнуть, а самому кажется, что он карабкается в гору. Педер ползет, обдирая кровоточащие руки, плечи, грудь и колени о камни, о сухую колючую траву, но уверен, что как раз сейчас он не двигается с места. Пытается заставить себя запоминать места. «Ага, — вдруг радостно замечает он, — я на вершине сопки». Но через секунду уже забывается, а поглядеть вокруг себя еще раз нет сил. Воспаленными глазами он озирается на деревья, которые словно преследуют его, не отстают ни на шаг. Сквозь их ветви виднеется гора.

В другой раз он приходит в себя в болоте. Когда и как добрался сюда — не помнит.

...Педер падал, вставал, цепляясь за стебли трав, за кустарники и снова шел. И снова падал, полз, терял сознание, приходил в себя и опять полз вперед. Так он взобрался на пологую гору. Почуял запах дыма и, не отдавая

себе отчета, свернул на этот запах. Дошел до стойбища эвенков.

Даже когда его уложили в постель, Педер пытался куда-то ползти.

11

Люди из стойбища взошли на ближайшую гору Худоркан, разожгли костер и бросили в него кости. В небо взвился черный столб дыма. Это значило, что парень нашелся и всем надо возвращаться: после рассказа Амикана эвенки рассыпались по тайге в поисках его друга.

К тому времени, пока сварился мясной бульон, собрались почти все.

Педеру сначала дали глотнуть две-три ложки бульона. Потом помыли теплой водой. Старик Лочи (имя его переводится как русский, но сам он не знает ни одного русского слова) натер Педера барсучьим жиром. Через некоторое время смысл и снова натер Педера — теперь мазью собственного приготовления, прозванную им «целебным жиром земли». В это время остальные на отдаленной от стойбища поляне поставили чум. «Здесь тихо, никто не потревожит больного», — решили они.

Амикан сидит возле Педера в новом чуме. Прикладывает ко лбу друга тряпочку, смоченную в холодной воде, отгоняет комаров.

Педер бледен, как мертвец.

«Слишком тихо вокруг. Может, он поэтому не просыпается? — думает Амикан. — Или уверен, что я потерялся? Должен же он до сих пор проснуться, если знает, что я здесь, рядом?»

Чтобы как-то рассеять гнетущую тишину, Амикан начинает рассуждать вслух:

— По-моему, не только люди, но и народы отличаются друг от друга. Одни пахут землю. Другие разводят скот. Мы, эвенки, охотники. Чтобы жить в глухих лесах, всегда требуется смелость. С детских лет до самой смерти. В старину эвенк уводил в тайгу четырех-пятилетнего ребенка и оставлял его там одного: сможешь отыскать родителей — молодец, будет из тебя охотник. Из ста детей только двое-трое не добирались до людей. «Такие все равно не выживут в тайге, пусть уж попадутся доброму зверю», — говорили о них.

Когда мальчик подрастал, начинал самостоятельно охотиться, его еще раз оставляли в тайге одного. На месяц-

другой. Сумеешь ежедневно находить себе пищу, добывать и хранить огонь, понимать лесные голоса, читать следы, никому не показывать слезы — значит, станешь настоящим мужчиной. Не научился всему этому до сих пор — сам виноват.

Говорят, состарившись или получив серьезную рану на охоте, звенк, чтобы не стать обузой для родных, уходил в тайгу. Или просил любимого сына застрелить его. Разве слабодушный решится на это? Разве здесь не нужна смелость? Так вот: закон тайги суров. Здесь каждый должен стоять сам за себя. И помогать другому. Достойному, который вышел из строя на время. Детям...

Не только на охоте — тайга требует подвига каждый день, каждую минуту. Ты попробуй пожить в таком вот чуме в зимнюю стужу, когда мороз доходит до полусотни градусов. И вырасти детей. Припасы, как всегда, кончились. Поймаешь что-нибудь — будет еда, не поймаешь — вся семья останется голодной. Снаружи воеет буран — глаз не открыть. И в чуме не теплее. Видишь — он как шалаш. Сверху его накрывают лишь берестой и оленьими шкурами. К тому же, оставляют отверстие для дыма. Посредине горит огонь. Вокруг огня нары — накидали еловых лапок и постелили шкуру, сверху кинули еще одну...

Услышав голос Амикана и решив, что он разговаривает с больным, во входное отверстие просовывается голова старого Лочи. Вопросительно смотрит на Амикана: может, что-нибудь нужно? Амикан машет рукой. Лочи исчезает.

На другой стороне поляны собрались люди. Кто набрал больному парню ягод, кто принес лекарственных трав. Всех тревожит, что Педер до сих пор не приходит в себя. Они окружают старика.

Амикан продолжает разговаривать сам с собой в надежде, что Педер услышит его голос и проснется.

— ...Я потерял, тебя. Спустился с сопки, а тебя нигде нет. Если бы искал получше, нашел бы, но боялся потерять время. Подумал, что уже будет поздно сообщать людям. Я ошибся, не поверив тебе. Прости.

Педер по-прежнему не шевелится.

Амикан тихо выходит из чума. Недалеко, возле родника, растет береза с огромным дуплом. Возле него беспорядочно выются пчелы. У подножия дерева копошится еж. Пчелы замечают его и, недовольно жужжа, подлетают. Ежик моментально сворачивается в клубок. Покружив-покружив, пчелы отлетают и снова исчезают по своим

делам, из клубка показывается блестящий черный носик, а потом и тоненькие лапы. Еж смешно наклоняет мордочку, прислушивается и изо всех сил семенит в лес.

Но у пчел, оказывается, есть враги. В воздухе кружит дерзкая птица. Амикан знает ее — это сорокопут. Махонькая такая из себя, а вреда от нее предостаточно. Мало того, что пожирает несметное количество мелких птичек и насекомых, но еще и нанизывает их про запас на сухие ветки. А сейчас сорокопут напал на пчел. То и дело отлетает от березы с пчелкой в клюве.

Амикан вынес ружье и выстрелил вверх. Шлепнулась на землю сытая птица. Амикан выстрелил и сразу вспомнил: нельзя было ему шуметь! Он вбежал к другу. Педер открыл глаза! Взор его бессмысленно блуждает по стенам.

— Педер... Тебе не дать воды, Педер?

— Море... Где море? — Педер невидяще смотрит на Амикана. У того комок застрял в горле.

— Мы обязательно дойдем до моря! — он пытается успокоить друга. — Оно совсем недалеко! Мы с тобой еще искупаемся в море!

В тот день Педер не сказал больше ни слова. Попил немного шербета, попробовал суп из тетерева, сваренный специально для него, и крепко уснул.

На третий день он приподнялся и сел в постели.

А еще через десять дней они с Амиканом вышли в обратный путь в город.

Друзей провожало все стойбище. Ружье Амикана Педер повесил себе на плечо. Амикан, должно быть, угадал мысли товарища, не стал возражать, взял сумку с едой.

...Педер идет рядом с Амиканом и вспоминает мальчика с таким же, как у него, именем. Когда-то они были очень похожи, даже мысли у них были одинаковые. А однажды вместе вышли в путь, и один из них, тот, другой, не выдержал тягот дороги, остался на полпути. Этот же продолжал идти. Его обмывали дожди: на вершинах сопok высушивал ветер, обогревало солнце на открытых полянах. Он шел все дальше и дальше, шел так долго, что ему показалось: прошли сотни лет. Иначе почему бы он так изменился, так повзрослел? Педер с доброй, понимающей улыбкой оглядывается на себя вчерашнего и зорко смотрит вперед, где его ждет целая жизнь...